

Князь А. И. Одоевскій.

СОЧИНЕНІЯ
КНЯЗЯ А. И. ОДОЕВСКАГО,

СЪ БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ И ПРИМЪЧАНІЯМИ,
СОСТАВЛЕННЫМИ

М. Н. Мазаевымъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ЖУРНАЛУ

„С Ѣ В Е Р Ъ“,

ЗА

І Ю Л Ъ

1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Евг. Евдокимова.

1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 іюля 1893 года.

24.155

Типографія Е. Евдокимова, Большая Итал., № 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Князь А. П. Одоевскій. Біографическій очеркъ. v—xii

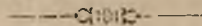
Стихотворенія.

I. Полночь.	1
II. Сонъ поэта	2
III. Дума узника.	2
IV. Баль	3
V. Мой непробудный сонъ.	4
VI. Луна	4
VII. Умирающій художникъ (на смерть Веневитинова)	5
VIII. Къ отлетѣвшей (Матери)	5
IX. Дума на смерть Александра Сергѣевича Грибоѣдова.	6
X. Послѣдняя надежда (Е. А. Баратынскому).	7
XI. Книжнѣ Маріи Николаевнѣ Волконской (въ день ея рожденія)	8
XII. Элегія: «Что вы печальны, дѣти сновъ»...	8
XIII. А. О. фонъ-деръ-Бриггену (экспромпт)	11
XIV. Василько	11
XV. Сень-Бернаръ	41
XVI. Далекій путь. На прїѣздъ Камилы Петровны Ивашевой.	43
XVII. Колыбельная пѣсня	44
XVIII. Два образа	44
XIX. липа	46
XX. На смерть графа П. П. Коновницына.	46
XXI. Славянскія дѣвы.	47
XXII. А. М. Янушкевичу, раздѣлившему со мною вѣтку съ могилы Лауры	48
XXIII. Прїѣзжему изъ Кургана (А. М. Янушкевичу)	49
XXIV. Въ альбомъ (Пусть вѣжной думой, жизни цвѣтомъ)	49
XXV. Посланіе къ отцу	50
XXVI. На прѣздъ Наслѣдника престола, Цесаревича Александра Николаевича въ 1837 году.	51
XXVII. На прїѣздъ въ Сибирь Наслѣдника Цесаревича.	51
1) «Солнце новое встаетъ»...	54
2) «Склонясь рукой на грань Урала»...	55
3) «Вдругъ надъ высями Урала»...	56
4) «Итакъ исполнены желанья!»...	56
XXVIII. Рѣка Усьма	57
XXIX. Экспромтъ (Куда поедетъ вы, крылатая станица?)	58
XXX. А. М. П—ой	58

	СТР.
XXXI. Глетшеръ	59
XXXII. Моя Пери.	60
XXXIII. Бракъ Грузіи съ Русскимъ царствомъ	60
XXXIV. Пѣсня (Я разлучился въ колыбели)	61
XXXV. Поэзія	62
XXXVI. Чалма (отрывокъ изъ повѣсти)	64
XXXVII. Роза и соловей	66
XXXVIII. Къ **	66
XXXIX. Лавина	67
XL. Охлажденіе	68
XLI. «Зачѣмъ ночная тишина»	68
Примѣчанія къ стихотвореніямъ.	70

Проза.

I. О трагедіи «Вѣнецславъ», сочиненіе Ротру, передѣланной г. Жандромъ.	73
II. Перечень изъ писемъ къ издателямъ «Сына Отечества» изъ Москвы.	76
III. Письмо къ М. А. Назимову.	82
Примѣчанія къ прозаическимъ статьямъ.	84

КНЯЗЬ А. И. ОДОЕВСКИЙ.

Царствованіе Александра I ознаменовано бодрымъ пробужденіемъ общественнаго сознанія, которое вызывалось какъ самимъ правительствомъ, такъ и вообще политическими событіями времени. Съ начала столѣтія въ русской интеллигенціи замѣчается нѣкоторое стремленіе къ общности интересовъ, желаніе сплотиться, и результатомъ этого являются тамъ и сямъ литературныя, ученныя и благотворительныя общества, «вольныя»—въ противоположность различнымъ правительственнымъ коллегіямъ того же рода. Послѣ двѣнадцатаго года, особенно благодаря заграничнымъ походамъ, центръ интересовъ переносится на иную почву: рядомъ съ литературными обществами являются политическія, съ задачами сперва весьма туманными, но впоследствіи болѣе опредѣлившимися. Это движеніе нашло свой исходъ въ декабрьскихъ событіяхъ 1825 года. Это время богато многими замѣчательными личностями, которымъ досталось на долю быть выразителями тогдашняго общественнаго настроенія. Не смотря на кратковременность своей общественной дѣятельности, они все-таки успѣли заявить себя въ той либо иной области искусства и науки. Къ ихъ числу принадлежитъ и князь А. И. Одоевскій, оставившій по себѣ два-три десятка стихотвореній, свидѣтельствующихъ о несомнѣнномъ поэтическомъ дарованіи. Онъ не былъ активнымъ дѣятелемъ въ движеніи декабристовъ, и интересъ этого лица заключается въ немъ самомъ, въ его оригинальной натурѣ, богато одаренной и безвременно погибшей.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій родился въ Москвѣ въ 1802 году ¹⁾. Образованіе онъ получилъ домашнее, подъ руководствомъ горячо любившаго его отца. По установленному обычаю, карьера должна была начаться военною службой: 1-го октября 1821 года Одоевскій былъ зачисленъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ, 1-го мая 1822 г. произведенъ въ эстандартъ-юнкера, а 23-го февраля 1823 г.—

¹⁾ Баронъ А. Е. Розень указываетъ годъ рожденія—1803.

въ корнеты. За время своей петербургской жизни онъ былъ близокъ особенно съ А. С. Грибоѣдовымъ, который приходился ему родственникомъ, и съ которымъ онъ воспитывался, и слѣдомъ ихъ отношеній остались письмо и стихотвореніе Грибоѣдова, а также стихотвореніе Одоевскаго на смерть автора «Горя отъ ума». Есть свидѣтельство, что Одоевскій имѣлъ значительное вліяніе на своего друга, сильно увлекавшагося театромъ и представительницами сценическаго искусства. Гораздо важнѣе та услуга, о которой свидѣтельствуесть самъ Грибоѣдовъ: Одоевскій во время наводненія спасъ своего друга, рискуя поплатиться собственною жизнью. Когда молодой декабристъ томился уже въ Сибири, Грибоѣдовъ старался быть ему полезнымъ, посылая вещи и книги. Изъ переписки сохранилось слѣдующее посланіе Грибоѣдова:

Я дружбу пѣлъ... Когда струнамъ касался,
Твой геній надъ моею главою парилъ;
Въ стихахъ моихъ, въ душѣ тебя любилъ
И призывалъ, и о тебѣ терзался...
О, мой Творецъ!.. Едва расцвѣтшій вѣкъ
Ужели ты безжалостно пресѣкъ?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого огъ любви моею сокрыла?

Въ движеніе декабристовъ Одоевскій попалъ случайно, и вполне понятно, что Гречъ, встрѣчавшійся съ нимъ, не замѣчалъ въ немъ «ни малѣйшей наклонности къ тому, что случилось». Одоевскій былъ и членомъ-то Сѣвернаго общества только съ 1824 года хотя оно возникло изъ распавшагося Союза благоденствія, еще въ 1822 года. Главой общества былъ Никита Мих. Муравьевъ, а однимъ изъ трехъ блюстителей— К. Ѡ. Рылѣвъ, къ которому Одоевскій и ходилъ на собранія, происходившія на Мойкѣ, близъ Краснаго моста, въ домѣ Россійско-Американской компании. Съ натурой пылкою, честною, но увлекающеюся, Одоевскій не годился къ какой-либо послѣдовательной дѣятельности. Это былъ чистѣйшій поэтъ, а не агитаторъ. Поэтому никакой роли онъ и не игралъ, и даже 14-го декабря 1825 года участіе его не выразилось ничѣмъ особенно. Въ словахъ его, которыя онъ, по свидѣтельству «Донесенія слѣдственной коммисіи», произнесъ на предпоследнемъ засѣданіи общества 12-го декабря: «Умремъ! Ахъ, какъ славно мы умремъ!»—виденъ только ребяческой экстазъ, видно только увлеченіе выходящее изъ ряда вонъ обстановкой. 13-го декабря онъ былъ на караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ, а въ день бунта бѣгалъ будто бы по конюшнямъ и останавливалъ солдатъ-конногвардейцевъ, получившихъ приказаніе идти на Сенатскую площадь, убѣждая ихъ, что

«это ложная тревога», и что «сдѣлать не должно». Всеподданнѣйшій докладъ Верховнаго Уголовнаго Суда такъ опредѣлилъ дѣятельность корнета Одоевского: «участвовалъ въ умыслѣ бунта, принятіемъ въ тайное общество одного члена, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ пистолетомъ въ рукахъ». Съ Сенатской площади, по однимъ разсказамъ, Одоевскій бѣжалъ къ своей теткѣ Ланской, и супругъ послѣдней яко бы самъ отвезъ его во дворецъ, а по другимъ,—къ А. А. Жандру, который будто бы убѣдилъ скрывавшагося явиться съ повинною. Послѣ допроса самимъ императоромъ Николаемъ Одоевскій, въ числѣ прочихъ, былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, въ Алексѣевскій рavelинъ. Сосѣдомъ его съ одной стороны былъ Николай Бестужевъ, съ другой—К. Э. Рылѣевъ. Одоевскій, повидимому, не чувствовалъ трагизма въ своемъ положеніи и не впалъ въ уныніе. Его безпечный и подвижной характеръ прекрасно отмѣченъ въ запискахъ Михаила Бестужева, сидѣвшаго рядомъ съ своимъ братомъ Николаемъ, съ которымъ они разговаривали посредствомъ условной азбуки при помощи постукиваній. «Когда мы», сообщаетъ онъ,—«наговорились досыта, намъ захотѣлось распространить далѣе наше сношеніе съ сосѣдями и преимущественно съ Рылѣевымъ, который сидѣлъ только черезъ одинъ номеръ отъ брата. Но, къ несчастью, въ этомъ номерѣ сидѣлъ Одоевскій, молодой пылкій чelовѣкъ и поэтъ въ душѣ. Мысли его витали въ областяхъ фантазіи, а спустившись на землю, онъ не зналъ, какъ угмонить потребность дѣятельности его кипучей жизни. Онъ бѣгалъ какъ запертой львенокъ въ своей клѣткѣ, скакалъ черезъ кровать или стулъ, говорилъ громко стихи и пѣлъ романсы. Однимъ словомъ, творилъ такія чудеса, отъ которыхъ у стражей волосы подымались дыбомъ; что ему ни говорили, какъ ни страшали—все напрасно. Онъ продолжалъ свое, и кончилось тѣмъ, что его оставили. Этотъ-то пылъ физической дѣятельности и былъ причиною, что даже терпѣніе брата Николая разбилось при попыткахъ передать ему нашу азбуку. Выждавъ такую минуту въ его казематѣ, едва братъ началъ стучать ему азбуку, онъ тотчасъ отвѣчалъ такимъ неистовымъ набатомъ, колотя руками и ногами въ стѣну, что братъ въ страхѣ отскакивалъ, чтобъ не обнаружить нашего намѣренія. Послѣ долгихъ упорныхъ попытокъ, когда наконецъ онъ понялъ въ чемъ дѣло, и когда братъ уже трубилъ побѣду, и мы рисовали въ своемъ воображеніи удовольствіе въ сношеніяхъ съ Рылѣевымъ, надо же случиться на бѣду нашу, что самая

ничтожная бездѣлица разбила въ прахъ наши мечты... Одоевскій не зналъ азбуки по порядку!»

По приговору Верховнаго Уголовнаго Суда Одоевскій былъ зачисленъ въ четвертый разрядъ государственныхъ преступниковъ и осуждался къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе. По высочайшей конфирмаціи срокъ каторги былъ сокращенъ до 12 лѣтъ. По объявленіи приговора заключенные получили нѣкоторую свободу и возможность сообщаться другъ съ другомъ. Басаргинъ говоритъ, что Одоевскій особенно оживлялъ въ это время ихъ бесѣды. 1-го февраля 1827 года Одоевского отправили въ Сибирь. Въ одной партіи съ нимъ были М. М. Нарышкинъ, сидѣвшій съ нимъ въ однѣхъ саняхъ, и на другой подводѣ два брата Бѣляевы. Конечнымъ пунктомъ ихъ путешествія была Чита, гдѣ они были помѣщены въ острогъ въ довольно большомъ обществѣ своихъ товарищей. Въ Читѣ сосланные содержались въ острогѣ, откуда ихъ водили на работы; въ свободное время они занимались своимъ хозяйствомъ и самообразованіемъ. Такъ, они устроили свою «академію», читали лекціи по разнымъ отраслямъ наукъ, и Одоевскій взялъ на себя курсы по русской словесности. Онъ прочелъ исторію русской литературы, начавъ съ «Слова о полку Игоревѣ» и дойдя вплоть до 1825 г., при чемъ всѣ свои лекціи онъ говорилъ экспромтомъ. У друга его барона А. Е. Розена сохранился курсъ Одоевского по русской грамматикѣ, написанный самимъ поэтомъ. Въ спорныхъ случаяхъ правописанія, говоритъ Розенъ,—«когда другіе ссылались на академическій словарь, онъ ссылался на правила логики». Жизнь декабристовъ скрасило и то, что къ нѣкоторымъ пріѣхали ихъ жены, съ самоотверженіемъ раздѣлившія ихъ участь. Въ концѣ 1828 года съ декабристовъ сняли желѣзы. Осенью 1830 г. читинскіе заключенные были переведены въ Петровскій желѣзный заводъ, близъ Верхнеудинска, гдѣ для нихъ спеціально была построена тюрьма. Во время пребыванія въ Читѣ и Петровскомъ декабристы имѣли возможность сноситься съ Россіей. Одоевскій переписывался съ Грибоѣдовымъ; на извѣстное посланіе Пушкина «Въ Сибирь» отвѣтилъ онъ стихотвореніемъ (1827 г.):

Струнь вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли, —
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли... и т. д.

8-го ноября 1832 года Одоевскій былъ освобожденъ отъ каторги и водворенъ на поселеніе, сперва въ мѣстечкѣ

Тельмѣ, близъ Иркутска, а затѣмъ въ Ишимѣ, Тобольской губерніи. Въ послѣднемъ городкѣ онъ встрѣтился съ другими поселенцами, между прочимъ съ А. М. Янушкевичемъ, которому посвятилъ два свои стихотворенія. Въ 1837 году Одоевскій переведенъ былъ изъ Сибири на Кавказъ. Есть извѣстіе, что этимъ онъ обязанъ своему трогательному «Посланію къ отцу», которое дошло до императора Николая Павловича. Но слѣдуетъ замѣтить, что высочайшая милость конулась не одного Одоевского, а одновременно и другихъ декабристовъ, находившихся съ нимъ въ одномъ разрядѣ. Какъ бы то ни было, 7-го ноября онъ былъ зачисленъ рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій въ урочищѣ Кара-Агачъ, близъ Царскихъ Колодцевъ, около ста верстъ отъ Тифлиса. Отъ Тобольска, гдѣ Одоевскій встрѣтилъ многихъ товарищей, также назначенныхъ на Кавказъ, онъ ѣхалъ съ М. А. Назимовымъ. Въ Казани произошла трогательная сцена свиданія поэта съ своимъ 70-лѣтнимъ отцомъ. Старикъ смѣялся и плакалъ какъ ребенокъ. Цвѣтушій видъ сына, какъ сообщаетъ Н. И. Лореръ, поразилъ стараго князя. «Да ты, братъ Саша, какъ будто и не съ каторги: у тебя розы на щекахъ!» замѣтилъ онъ. Отецъ провожалъ сына нѣсколько станцій по пути на Кавказъ и, обливаясь слезами, разстался, чтобъ уже больше не видѣться. Сослуживцами Одоевского на Кавказѣ оказались Л. С. Пушкинъ и М. Ю. Лермонтовъ. Знакомство съ послѣднимъ скоро перешло въ тѣсную дружбу, и нельзя было возвышеннѣе отмѣтить это чувство, чѣмъ сдѣлалъ то Лермонтовъ, посвятившій прекрасное стихотвореніе памяти своего собрата по несчастію и поэтическому таланту. Одоевскій скоро увлекся тревожною, но не чуждою героизма жизнью кавказскаго воина старыхъ временъ. Онъ усердно занимался джигитовкой и участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Лѣтомъ 1839 года онъ былъ въ Пятигорскѣ и сошелся здѣсь съ поэтомъ Н. П. Огаревымъ. Огаревъ посвятилъ ему нѣсколько страницъ въ своей статьѣ «Кавказскія воды». «Одоевскій», говоритъ онъ, — «былъ, безъ сомнѣнья, самый замѣчательный изъ декабристовъ, бывшихъ въ то время на Кавказѣ. Лермонтовъ списалъ его съ натуры. Да, этотъ

. блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую

не забудетъ никто изъ знавшихъ его. Въ этихъ глазахъ выражалось спокойствіе духа, скорбь не о своихъ страданіяхъ, а о страданіяхъ человѣка, въ нихъ выражалось

милосердіє. Можеть быть, эта сторона, самая поэтическая сторона христіанства, всего болѣе увлекла Одоевского. Онъ весь принадлежалъ къ числу личностей хриstopодобныхъ. Онъ носилъ свою солдатскую шинель съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ выносилъ каторгу и Сибирь: съ тою же любовью къ товарищамъ, съ тою же преданностью къ истинѣ, съ тѣмъ же равнодушіемъ къ своему страданію. Можеть быть, онъ даже любилъ свое страданіе». Изъ Пятигорска они ѣздили въ Желѣзноводскъ. Нельзя не привести чудную сцену изъ ихъ жизни въ послѣднемъ, передаваемую воспоминаніями Огарева: «Мы пошли въ лѣсъ, по дорожкѣ къ источнику. Деревья по всей дорожкѣ дико сплетаются въ крытую аллею. Мѣсяць просвѣчивалъ сквозь темную зелень. Ночь была чудная. Мы сѣли на скамью, и Одоевскій говорилъ свои стихи. Я слушалъ, склоня голову. Это былъ рассказъ о видѣніи какого-то свѣтлаго женскаго образа, который передъ нимъ явился въ прозрачной мглѣ и медленно скрылся:

Долго слѣдилъ я зѣвную поступь...

Онъ кончилъ, а этотъ стихъ и его голосъ все звучали у меня въ ушахъ. Стихъ остался въ памяти; самый образъ Одоевского, съ его звучнымъ голосомъ, въ поздней тишинѣ лѣса, мнѣ теперь кажется тоже какимъ-то видѣніемъ, возникшимъ и исчезнувшимъ въ лунномъ сіяніи кавказской ночи».

1839 годъ былъ роковымъ для Одоевского. Первое, что его сразило, была смерть отца, который умеръ съ портретомъ сына въ рукахъ. «Я не знаю», писалъ Одоевскій къ Назимову,—«какъ я былъ въ состояніи перенести этотъ ударъ,—кажется, послѣдній; другой, какой бы ни былъ, слишкомъ будетъ слабъ по сравненію... Я спокоенъ; говорить—говорю, какъ и другіе; но когда я одинъ передъ собою или пишу къ друзьямъ, способнымъ раздѣлить мою горестъ, то чувствую, что не принадлежу къ этому міру». Осенью того же года Одоевскій находился въ сборномъ отрядѣ подъ начальствомъ генерала Н. Н. Раевского, въ экспедиціи на восточномъ берегу Чернаго моря, имѣвшей цѣлю укрѣпленіе форта Лазаревскаго, между Субаши и Сочи. Здѣсь уже по окончаніи экспедиціи онъ заболѣлъ мѣстной горячкой и 15-го августа умеръ ¹⁾. Фортъ впослѣдствіи былъ занятъ горцами, и могила поэта исчезла безъ слѣда.

¹⁾ По показаніямъ очевидцевъ Одоевскій умеръ 15-го августа, а по официальному донесенію — 10-го.

Литературная дѣятельность Одоевского до его ссылки была очень незначительна. Въ 1825 году въ «Сынѣ Отечества» появились двѣ критическія статейки («О трагедіи «Вѣнцеславъ», соч. Ротру, передѣланной г. Жандромъ»—№ 1, стр. 100—105, и «Перечень изъ писемъ къ издательку изъ Москвы»—№ 15, стр. 288—301) за подписью А. О., принадлежащія, по свидѣтельству Кюхельбекера, Одоевскому. Но затѣмъ во всю свою жизнь онъ ничего не печаталъ, и единственное появившееся при его жизни, въ 1838 году, стихотвореніе «Сень-Бернаръ» было напечатано безъ его вѣдома. Одоевскій очень рѣдко записывалъ свои стихотворенія; дошедшія до насъ почти всѣ записаны его друзьями. Огаревъ объясняетъ это его скромностью, мѣшавшею ему видѣть въ своихъ произведеніяхъ какое-либо «общее значеніе». Но кажется, не скромность играла тутъ роль, а весь складъ природы поэта, возвышенной, но безпечной, всегда парившей въ отвлеченномъ мірѣ фантазіи и боявшейся всякаго соприкосновенія съ дѣйствительностью. Образы приходили къ нему толпами, и подъ наплывомъ ихъ лилась его музыкально-поэтическая импровизація, исчезая безъ слѣда, «какъ легкой паръ вечернихъ облаковъ». Творчество не стоило ему усилій; онъ былъ именно олицетвореніемъ «свободной» поэзіи,—поэзіи, которая живетъ сама для себя, для которой не существуетъ потомства, и потому она относится равнодушно къ типографскому станку. Онъ боялся ввѣрять свое вдохновеніе бумагѣ, не умѣющей передать музыку словъ и тѣ отгѣнки, которые говорятъ не досказанное и слышны только въ живой человѣческой рѣчи. Записывать свои произведенія для него было бы трудомъ, тогда какъ вдохновеніе было неотъемлемою частью его души, творчество—только всегда готовымъ отвѣтомъ на впечатлѣнія изъ внѣшняго міра. Поэзія Одоевского, какъ творчество гѣвца или музыканта, была ограничена во времени и въ пространствѣ. Ею могли наслаждаться только непосредственные слушатели его импровизацій. До насъ дошло однако нѣсколько образчиковъ этой поэзіи экспромтовъ. Дошли они до насъ въ испорченномъ видѣ, записанныя рукою друзей, иногда уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ они были произнесены поэтомъ. Но и въ этомъ бѣдномъ наслѣдствѣ встрѣчаются блѣстки истиннаго таланта, вспышки неподдѣльнаго поэтическаго вдохновенія. Большая часть сохранившихся стихотвореній Одоевского относится къ сибирской жизни поэта, и потому вполне понятенъ ихъ общій тонъ—постоянное сознаніе своей отчужденности, своего изгнанничества, невозможности

вернуться къ свободной жизни. Это, говоря его словами,— воспоминаніе сквозь сонъ красоты міра. Окружающая дѣйствительность, какъ смѣна будничныхъ впечатлѣній, для него не существовала; онъ жилъ въ реальной для него странѣ звуковъ и образовъ; эта именно жизнь и отражается въ его стихотвореніяхъ. Но внѣшній міръ, вѣчная красота природы были постояннымъ источникомъ его поэтическаго созерцанія, и эту черту отмѣтилъ Лермонтовъ, говоря о своемъ погибшемъ другѣ:

Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи
И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
И вокругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Иѣмая степь синѣетъ, и вѣномъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмуясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разскажетъ волнъ кочующимъ внимаю,
А море Черное шумитъ не умолкая.

Стихотворенія Одоевскаго до сихъ поръ были изданы два раза: сперва — въ общемъ «Собраніи стихотвореній декабристовъ» (т. II, Лейпцигъ. 1863; здѣсь помѣщено 17 стихотвореній), а затѣмъ — подъ заглавіемъ: Полное собраніе стихотвореній князя Александра Ивановича Одоевскаго (декабриста). Собралъ баронъ Андр. Евг. Розень. (Съ дополненіями и примѣчаніями издателей, портретомъ и fac-simile князя А. И. Одоевскаго). С.-Пб. 1883 (въ этомъ собраніи 41 стихотвореніе). Настоящее изданіе содержитъ въ себѣ тѣ же 41 стихотвореніе, но въ исправленномъ видѣ и съ распредѣленіемъ ихъ по годамъ. Кромѣ того, сюда вошли двѣ выше упомянутыя статейки въ прозѣ, неизвѣстныя прежнимъ издателямъ. Два стихотворенія Одоевскаго не могли быть включены въ настоящее изданіе.

М. Мазаевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ПОЛНОЧЬ.

Пробило полночь... Грянулъ громъ,
И грохотъ радостный раздался:
Отъ звона воздухъ колебался,
Отъ пушекъ, въ сумракѣ ночью,
По небу зарева бѣжали
И, разлетаяся во тьмѣ,
Меня, забытаго въ тюрьмѣ,
Багровымъ свѣтомъ освѣщали.
Я, на колѣняхъ стоя, пѣлъ;
Съ любовью къ небесамъ свободный взоръ летѣлъ...
И серафимовъ тѣмы внезапно запылали
Въ надзвѣздной вышинѣ;
Ихъ пѣсни слышались мнѣ.
Съ ихъ гласомъ все міры гармонию сливали.
Средь горнихъ силъ воскресій Богъ стоялъ,
И день, блестящій день сіялъ
Надъ сумраками ночи;
Стоялъ Онъ радостный средь волнъ небесныхъ силъ
И полныя любви, божественныя очи
На міръ спасенный производилъ.
И славу Вышняго, и на землѣ спасенье
Я тихимъ гласомъ воспѣвалъ...
И мой, мой также гласъ къ Воскресшему взлеталъ:
Изъ гроба пѣлъ я Воскресенье.

Свѣтлое Воскресенье 1826.

Въ казематѣ Петропавловской крѣпости.

Русская Старина 1870, т. I.

II.

СОНЪ ПОЭТА.

Таится звукъ въ безмолвной лирѣ,
 Какъ искра въ темныхъ облакахъ;
 И пѣснь, незнаемую въ мѣрѣ,
 Я вылью въ огненныхъ словахъ.
 Въ темницѣ есть пѣвецъ народный,
 Но не поетъ для суеты:
 Скрываетъ онъ душой свободной
 Небесъ безсмертные цвѣты;
 Но похвалою необольщенный,
 Не ищетъ раняго вѣнца...
 Почтите сонъ его священный,
 Какъ предъ борьбою сонъ борна!

1826.

Въ казематѣ Петропавловской крѣпости.

Изд. 1883 г.

III.

ДУМА УЗНИКА.

Какъ много сильныхъ впечатлѣній
 Еще душѣ недостасть!
 Въ тюрьмѣ минула жизнь мгновений,
 И медленъ и тяжелъ полетъ
 Души моей необновленной
 Явленій новыхъ красотой;
 И дней темничныхъ чередой,
 Безъ сновъ любимыхъ усипленной,
 Прошли мгновенья бытія,
 И на землѣ настала вѣчность.
 Однообразна жизнь моя,
 Какъ океана безконечность.
 Но онъ кипитъ; свои главы
 Подъемлетъ онъ на вызовъ бури,
 То отражаетъ сводъ лазури
 Бездоннымъ сводомъ синевы,
 Пылаетъ въ заревахъ, кровавый
 Онъ брани пожираетъ слѣдъ;
 Шумитъ въ отвѣтъ на громы славы
 И клики радостныхъ побѣдъ.
 Но мысль моя—едва живая—

Течеть, въ себѣ не отражая
 Великихъ міра перемѣнъ;
 Все прежній міръ она объемлетъ,
 И за оградой душныхъ стѣнъ—
 Востока узница—не внемлетъ
 Восторгамъ западныхъ племенъ.

1826.

Въ казематѣ Петропавловской крѣпости.

Изд. 1883 г.

IV.

БАЛЪ.

(Князю П. А. Вяземскому).

Открылся балъ. Кружась, летѣли
 Чета младая за четою;
 Одежды роскошью блестяли,
 А лица—свѣжей красотой.
 Усталый изъ толпы я скрылся,
 И жаркую склоня главу,
 Къ окну въ раздумьи прислонился
 И заглядѣлся на Неву.
 Она покоилась, дремала
 Въ своихъ гранитныхъ берегахъ,
 И въ тихихъ, сребренныхъ водахъ
 Луна, кунаясь, трепетала.
 Стоялъ я долго; заль гремѣлъ...
 Вдругъ безъ размѣра полетѣлъ
 За звукомъ звукъ. Я оглянулся,
 Внерилъ глаза, весь содрогнулся;
 Морозъ по тѣлу пробѣжалъ.
 Свѣтъ меркнулъ... Весь огромный заль
 Былъ полонъ остововъ... Четами
 Силетясь, топясь, другъ друга мча,
 Обнявшись желтыми костями,
 Кружась, по полу стуча,
 Они заль быстро облетали.
 Лицъ прелесть, становъ красота,
 Съ костей ихъ всѣ покровы спали.
 Одно осталось: ихъ уста,
 Какъ прежде, все еще смѣялись;
 Но одинаковъ былъ у всѣхъ
 Широкихъ устъ безгласный смѣхъ.

Глаза мои въ толпѣ терялись:
Я никого не видѣлъ въ ней;
Всѣ были сходны, всѣ смѣшались:
Плясало сборище костей.

1827.
Русскій Архивъ 1873, т. I.

V.

МОЙ НЕПРОВУДНЫЙ СОНЪ.

Еще твой образъ свѣтлоокій
Стоить и дышитъ предо мной;
Какъ въ душу онъ запалъ глубоко!
Тревожитъ онъ ея покой.

Я помню грустную разлуку:
Ты мнѣ на мой далекій путь,
Какъ старый другъ, пожала руку
И мнѣ сказала: «не забудь».

Тебя я встрѣтилъ на мгновенье,
На вѣкъ разстался я съ тобой!
И все—какъ сонъ! Ужель видѣнье—
Мечта души моей больной?

Но если только сновидѣнье
Играетъ бѣдною душой,
Кто дастъ мнѣ сонъ безъ пробужденья?
Нѣтъ, лучше смерть и образъ твой!

1827.
Чита.
Русская Старина 1870, т. I.

VI.

Л У Н А.

Всталъ вѣтеръ съ запада; сѣдыми облаками
Покрылъ небесь потухшій океанъ.
Сквозь тонкій видишь ли туманъ,
Какъ увлекаемый волнами,
Челнокъ летаетъ золотой?
Вотъ онъ исчезъ... блеснулъ... вотъ скрылся за волной,
Вотъ снова онъ и выплылъ и сіяетъ,
И ангелъ свѣтлыхъ звѣздъ кормиломъ управляетъ.

1827.
Чита.
Изд. 1883 г.

VII.

УМИРАЮЩИЙ ХУДОЖНИКЪ.

(На смерть Вевевитинова).

Всѣ впечатлѣнья въ звукъ и цвѣтъ
И слово стройное тѣснились;
И Музы юношей гордились
И говорили: «Онъ поэтъ!»
Но нѣтъ; едва лучи денницы
Моей коснулись зѣницы, —
И свѣтъ во взорахъ потемнѣлъ;
Плодъ жизни свѣянъ недоспѣлый!
Нѣтъ! Сновъ небесныхъ кистью смѣлой
Одушевить я не успѣлъ;
Гласъ пѣсни, мною недопѣтой,
Не дозвучить въ земныхъ струнахъ,
И я, въ неглѣніе одѣтый,
Ее дослышу въ небесахъ.
Но на землѣ, гдѣ въ чистый пламень
Огня души я не излилъ,
Я умеръ весь... И грубый камень,
Обычный кровъ нѣмыхъ могилъ,
На черепъ мой остывшій ляжетъ
И соплеменнику не скажетъ,
Что рано выпала изъ рукъ
Едва настроенная лира,
И не успѣлъ я въ стройный звукъ
Излить красу и стройность міра.

1827.

Чита.

Русская Старина 1870, т. I.

VIII.

КЪ ОТЛЕТѢВШЕЙ.

(Матери).

Тебя ужъ нѣтъ, но я тобою
Еще дышу;
Туда, въ лазурь, я за тобою
Спѣшу, спѣшу!
Когда же ласточкой взовьюся
Въ тотъ лучшій міръ,
Растаю и съ тобой сольюся
Въ одинъ эфиръ, —

Чтобъ съ неба пасть росой жемчужиной,
Алмазомъ слезъ
На землю ту, гдѣ крестъ я дружно
Съ тобою несть.
И, на землѣ блеснувъ слезою,
Взовьемся вновь
Туда, гдѣ вѣчною зарею
Горить любовь.

1828.

Чита.

Отечественныя Записки 1841 г., т. XVII.

IX.

Д У М А

на смерть Александра Сергѣевича Грибоѣдова.

Гдѣ онъ? Гдѣ другъ? Кого спросить?
Гдѣ духъ?... Гдѣ прахъ?... Въ краю далекомъ!
О, дайте горькихъ слезъ потокомъ
Его могилу оросить,
Ее согрѣть моимъ дыханьемъ!
Я съ ненасытимымъ сграданьемъ
Вопьюсь очами въ прахъ его,
Исполнюсь весь моей утратой
И горсть земли, съ могилы взятой,
Прижму, какъ друга моего.
Какъ друга!.. Онъ смѣшался съ нею,
И вся она родная мнѣ.
Я тамъ одинъ съ тоской моею,
Въ ненарушимой тишинѣ,
Предамся всей порывной силѣ,
Моей любви, любви святой
И приросту къ его могилѣ,
Могилы памятникъ живой.
Но подъ ивыми небесами
Онъ и погибъ, и погребенъ;
А я—въ темницѣ! Изъ за стѣнъ
Напрасно рвуся я мечтами:
Онъ меня не донесутъ,
И капли слезъ съ горячей вѣжды
Къ нему на дернъ не упадутъ.
Я въ устахъ былъ; но нѣтъ надежды
Взглянуть на взоръ его очей.
Взглянуть, сжать руку, звукъ рѣчей
Услышать на одно мгновенье—

Живило грудь, какъ вдохновенье
 Восторгомъ наполни меня!
 Не измѣнилось заточенье;
 Но отъ надеждъ, какъ отъ огня,
 Остались только дымы и тлѣнье.
 Онѣ — мнѣ огонь; уже давно
 Все жгутъ, къ чему ни прикоснутся;
 Что годъ, что день, то связи рвутся;
 И мнѣ, мнѣ даже не дано
 Въ темницѣ призраки лелѣять,
 Забыться мигъ веселымъ сномъ
 И грусть сердечную развѣять
 Мечтанья радужнымъ крыломъ.

1829.

Чита.

Изд. 1883 г.

X.

ПОСЛѢДНЯЯ НАДЕЖДА.

Е. А. Баратынскому.

Промелькнулъ за годомъ годъ,
 И за цѣлью дней минувшихъ
 Улетѣлъ надеждъ блеснувшихъ
 Лучезарный хороводъ.
 Лишь одна изъ дѣвъ воздушныхъ
 Запоздала. Сладкій взоръ,
 Легкій шопотъ устъ послушныхъ,
 Твой небесный разговоръ
 Вняты мнѣ. Тебѣ охотно
 Я ввѣряюсь всей душой...
 Тихо плавай надо мной,
 Плавай, другъ мой неотлетный!
 Всѣ исчезли. Ты одна
 На яву, во время сна,
 Навѣваешь утѣшенье.
 Ты въ залогъ осталась мнѣ,
 Завѣряя, что онѣ
 Не случайное видѣнье,
 Что приснятся и другимъ
 И зажгутъ лучомъ своимъ
 Думъ высокихъ вдохновенье!

1829.

Русскій Архивъ 1873 г., т. I.

XI.

КНЯГИНЬ МАРІИ НИКОЛАЕВНЬ
ВОЛКОНСКОЙ.

(Въ день ея рожденія.)

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучь радостный, на небѣ томъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душень былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровь свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены.

И вѣстники благіе Провидѣнья
Явились, какъ дочери земли,
И узникамъ, съ улыбкой утѣшенья,
Любовь и миръ душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медь отрады...
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта,
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшилась одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрыва своего.

25 декабря 1829.

Библиографическія Записки 1861, № 5.

XII.

Э Л Е Г І Я.

Что вы печальны, дѣти сновъ,
Летучей жизни привидѣнья?
Какъ хороводы облаковъ,
Съ небесъ, по волѣ дуновенья.
Летятъ и таютъ въ вышинѣ,
Слѣдовъ нигдѣ не оставляя—

Равно въ подблочнои странѣ
Неслися вы!.. Едва мелькая,
Едва касаяся земли,
Вы, міра мрачныя печали,
Всѣ бури сердца миновали,
И безыменно протекли.
Вы и пылинки за собою
Въ теченье дней не увлекли,
И безотчетною стопою,
Пути взметая легкой прахъ,
Слѣдовъ не врѣзали въ гранитѣ
И не оставили въ сердцахъ.
Зачѣмъ же вы назадъ глядите
На путь пройденный? Нѣтъ для васъ
Ни горькихъ думъ, ни утѣшеній;
Минула жизнь безъ потрясеній,
Огонь безъ пламени погасъ.
Кто былъ рожденъ для вдохновеній
И міръ въ себѣ очароваль,
Но съ юныхъ лѣтъ пилъ желчь мученій
И въ гробъ заживо лежалъ;
Кто ядомъ облить былъ холоднымъ
И съ разрушительной тоской
Еще пылалъ огнемъ безплоднымъ
И порывался въ міръ душой,
Но порывался изъ могилы, —
Тотъ жилъ! Онъ духомъ былъ борець;
Онъ, искусивъ всѣ жизни силы,
Стяжалъ страдальческій вѣнецъ;
Онъ можетъ бросить взоръ обратный
И на минувшій темный путь
Съ улыбкой горькою взглянуть.
Кто жаждалъ жизни всеобъятной,
Но чей стѣснительный обзоръ
Былъ ограниченъ цѣнью горь,
Темницей вкругъ его темницы;
Кто жаждалъ сновъ, какъ ждуть друзей,
И проклиналъ восходъ денницы,
Когда отъ розовыхъ лучей
Видѣнья легкія ночей
Толпой воздушной улетали,
И онъ темницу озиралъ
И къ нимъ объята простираалъ,
Къ снмъ утѣшителямъ печали;

Кто съ міромъ связь еще хранилъ,
 Но не на радость, а мученье,
 Чтобы изъ свѣта въ заточенье
 Любимый голосъ доходилъ,
 Какъ по умершемъ стоишь прощальный,
 Чтобы утратамъ слухъ внималъ
 И отзывъ пѣсни погребальной
 Въ тюрьму свободно проникалъ;
 Кто прелесть всю воспоминаній,
 Святыню чувства, міръ мечтаній,
 Порывы всѣхъ душевныхъ силъ,
 Всю жизнь въ любимомъ взорѣ слилъ
 И, небесамъ во всемъ покорный,
 Просилъ въ молитвахъ одного:
 Отъ друга вѣсти животворной,
 И кто узналъ, что нѣтъ его,—
 Тотъ могъ спросить у Провидѣнья,
 Зачѣмъ земли онъ путникъ былъ,
 И ангель смерти и забвенья,
 Крыломъ сметая поколѣнья,
 Его коснуться позабылъ?
 Зачѣмъ мучительною тайной
 Непостижимый жизни путь
 Волнуетъ трепетную грудь?
 Какъ званый гость, или случайный.
 Пришелъ онъ въ этотъ чуждый міръ,
 Гдѣ скудно сердца наслажденье
 И скорби съ радостью смѣшенье
 Томитъ какъ похоронный пиръ?—
 Гдѣ насъ объемлетъ разрушенье,
 Гдѣ колыбъ ль—могилы дань,
 Развалины цѣпь—поля и горы;
 Гдѣ вдохновительные взоры
 И усть плѣнительная ткань
 Изъ гроба въ гробъ переходили,
 Изъ тлѣна въ жизнь, изъ жизни въ тлѣнь,
 И въ постепенности время
 Образовалися изъ пыли
 Погибшихъ тысячи племень.
 Какъ тѣни, исчезаютъ лица
 Въ тебѣ, обширная гробница!
 Но вѣченъ родъ! Едва слетятъ
 Потомковъ новыхъ поколѣнья,
 Иныя звенья замѣнятъ

Изъ цѣли выпавшія звенья;
Младенцы снова расцвѣтуть,
Вновь закипитъ младое племя,
И до могилы жизни бремя,
Какъ даръ безъ цѣли, донесутъ
И сбросятъ путники земные....
Безъ цѣли!... Кто мнѣ дастъ отвѣтъ?
Но въ насъ порывы есть святые,
И чувства жаръ, и мыслей свѣтъ,
Высокихъ мыслей достоянье!...
Въ лазурь небесъ восходитъ зданье:
Оно незримо, каждый день,
Трудами возрастаетъ вѣка;
Но со ступени на ступень
Вѣка возводятъ человѣка.

1830.

Чита.

Изд. 1883 г.

ХІІІ.

ЭКСПРОМТЪ.

А. О. фонъ-дерь-Бриггену.

Звучитъ вся жизнь, какъ звонкій смѣхъ;
Отъ жара чувствъ душа не вянетъ...
Люблю я всѣхъ—и пью за всѣхъ.
Вина, ей Богу, не достанетъ!
Я меньше пью, зато къ вину
Воды во вѣкъ не примѣшаю...
Люблю одну—и за одну
Всю чашу жизни осушаю!

2 мая 1830 г.

Изд. 1863 г.

ХІV.

В А С И Л Ь К О.

Пѣснь первая.

1.

Книжьль народъ на стогнахъ Теробовля.
Глошатая послыша громкій зовъ,
Сибѣшили старъ и младъ; они, какъ волны,
Со всѣхъ сторонъ стеклись на княжій дворъ,

Сошлись въ толпы и шепчуть: «Что задумалъ
Нашъ Василько? Зачѣмъ онъ позовалъ насъ?»
Въ волненьи ждуть, жужжа какъ рой пчелиный.
И вышелъ князь со свѣтлою дружиной.

2.

Явился онъ, какъ мѣсяцъ въ сонмѣ звѣздъ.
Замолкли всѣ и низко поклонились.
Склоня чело, онъ съ краснаго крыльца
Заводитъ такъ отеческое слово:
«Вы знаете, сыны мои, для васъ,
Для тишины всей Руси православной,
Былъ съѣздъ князей, гдѣ, потушивъ раздоръ,
Мы клятвою скрѣпили договоръ.

3.

«Князь Святополкъ, и Мономахъ разумный,
И всѣ князья, съѣвъ на одинъ коверъ,
Мы въ Любичѣ, какъ братья, примирились.
Нѣтъ, полно намъ губить святую Русь!
Мы, русскіе, забыли мать родную,
У матери сыны терзали грудь.
Но миръ насталь—и крестное лобзанье
Ея на вѣкъ окончило страданье.

4.

«Уже на Русь не придуть какъ на пиръ
Толпы враговъ за вражьими толпами,
И Господомъ благословенныхъ нивъ
Ихъ бурные набѣги не потопчуть.
Въ былой красѣ возстанутъ города,
И гдѣ теперь церковей сѣрѣетъ пепелъ,
Тамъ снова Спасъ сберетъ подь отчій кровъ
Своихъ людей, спасенныхъ отъ оковъ.

5.

«Во времена раздора Богъ всѣ кары,
И гладъ, и моръ, на насъ ниспосылалъ;
Но онъ призреть на клятву примиренныхъ.
Мы на крестѣ произнесли обѣтъ:
Да будетъ Русь намъ общею отчизной,
И если кто изъ насъ нарушитъ миръ,
Возстанемъ всѣ — пойдутъ на брата брата,
И крестъ, и огонь, палящій огонь проклятья!

6.

«Теперь, когда вся русская земля
Ограждена и крестнымъ цѣлованьемъ,
И дружными щитами всѣхъ князей,
Что медлить намъ? Подыдемъ стягъ на ляховъ,
Въ предѣлы ихъ внесемъ огонь и смерть
И сломимъ духъ враговъ непримиримыхъ!
Но кто изъ васъ послѣдуетъ за мной
Въ веселый пылъ тревоги боевой?»

7.

«Пойдемъ, друзья, за славой и добычей
Въ страну враговъ. Пусть старцы, пусть отцы
Блудутъ дома и мужи охраняютъ;
Но трубный звукъ васъ, юноши, зоветъ!
Во браняхъ вы еще не искусились.
Идите въ бой — и ляшскимъ серебромъ
Соборный храмъ заблещетъ; наши жоны
Украсятъ имъ домашнія иконы.

8.

«Что други?» — «Всѣ готовы за тобой!»
Воскликнули и юноши, и мужи:
«Мы рады всѣ за нашимъ Василькомъ!»
И двинулись къ нему въ порывѣ сердца,
И пламень, какъ зарница, заигралъ
Во всѣхъ очахъ толпы тысячеглавой.
Всѣ рвутся въ бой, всѣ восклицаютъ вновь:
«Твой — нашъ конь, нашъ мечъ, вся наша кровь!»

9.

Тогда одинъ изъ городскихъ старѣйшинъ
Ступилъ впередъ: «Кто отъ души не радъ
И честь и смерть дѣлить съ твоей дружиной?
Но ты у насъ гостишь, а не живешь.
А безъ тебя мы красныхъ дней не видимъ.
Останься! Судъ нужнѣе намъ войны;
Когда ты здѣсь — и тяжбы нѣтъ въ народѣ:
Живемъ въ любви на отческой свободѣ.

10.

«Къ тебѣ идемъ на судъ, на княжій дворъ,
Всѣ съ радостью: и смердь, и горожанинъ;
Пойдешь въ походъ, — тѣмъ твой судить насъ,
А не мирить, какъ ты, нашъ миротворецъ».

— «Нельзя намъ ждать,» князь старцу отвѣчаетъ:—
«Дни осени настали, а весною
Не захочу оратая коней
Отторгнуть отъ невспаханныхъ полей.

11.

«Вась ляхъ своимъ считаетъ достояньемъ;
Онъ помнитъ дань червленскихъ городовъ.
Нѣтъ, вѣрьте мнѣ: въ душѣ его коварной
Не дремлетъ месть; онъ не забудетъ вѣкъ,
Какъ нашу Русь отъ половцевъ спасая,
Навелъ я ихъ на Польшу, какъ поля
Опустошалъ я хищными полками
И села жогъ, губя враговъ врагами.

12.

«Но снова ляхъ послушитъ грозный кликъ:
На помощь звалъ я торковъ, берендѣевъ
И половцевъ союзныхъ племена;
На встрѣчу имъ я съ младшею дружиной
Иду на Днѣпръ, и буйныя толпы
Самъ проведу черезъ русскіе предѣлы;
Настигну васъ, и съ бугскихъ береговъ
Мы дружно все нахлынемъ на враговъ».

13.

Князь Василько окинулъ всехъ очами
И, поклонясь народу, въ гридню онъ
Съ дружиною при кликахъ возвратился.
Все разошлись обратно по домамъ:
Младые, снявъ со стѣнъ мечи и конья,
Острили ихъ и холили коней,
Да слушали, когда отцы и дѣды
Вели разказъ про прежнія побѣды.

14.

Осѣдланъ конь княжѣй; онъ у крыльца
Храпитъ и ржетъ, по всадникъ тоскуя;
Грызеть онъ сталь и мечетъ гордый взоръ
На конный строй, оружіемъ блестящій.
Какъ жаръ глаза сверкаютъ. Подъ уздцы
Два отрока его, лаская, держать,
И подъ сѣдломъ играя, бурый конь
Горитъ въ золотыхъ отливахъ, какъ огонь.

15.

Весь сонмъ бояръ нисходитъ по ступенямъ;
Но князя нѣтъ. Въ божницу онъ вошелъ
Обнять свою Метиславну на прощанье;
Онъ къ ней вступилъ, и всплакалась она:
«Ты ѣдешь? Ты не тронулся ручьями
Горючихъ слезъ? Меня тебѣ не жаль,
Не жаль меня, предчувствіемъ томимой!
Теперь не я, а мечъ — твой другъ любимый».

16.

Огонь течеть, не слезы изъ очей!
«Сердечный другъ! Нѣтъ, ты меня не любишь!
Не вѣришь мнѣ? Не вѣрь, а ждетъ гроза.
Вчера мои двѣ дѣвушки сѣнныя
Къ ворожеѣ ходили: черный путь!
Заснула я, но смутное видѣнье,
Зловѣщій сонъ мою встревожилъ грудь,
И слышалось въ просоньи: черный путь!

17.

«Не знаю я, сороки или вѣдмы,
Но злую вѣсть на утренней зарѣ
Надъ теремомъ вѣщуньи щекотали:
Не быть добру!» — «Ни словъ, ни темныхъ силъ
Не бойся! Я проѣздомъ черезъ Кіевъ
Свершу обѣтъ, молебень отслужу
Въ обители святого Михаила:
Насъ освѣнитъ покровъ его и сила.

18.

«Я помолюсь и дасть побѣду намъ
Заступникъ мой, небесный воевода».
— «Такъ ѣдешь ты? Но вспомни: насъ Господь
Благословилъ: въ себѣ ношу я бремя!
Твой первенецъ родится въ Божій міръ
Не при тебѣ; и кто же первый взглянетъ
На твоего младенца?» Словъ своихъ
Не кончила, невольно голосъ стихъ.

19.

Она, вздохнувъ, къ его груди припала
И, какъ дитя, слезами залилась.
«Не плачь! Походъ на ляховъ не продлится...»
Но слово самъ едва договорилъ...

Главою къ ней склонился, обнялъ друга,
Поцѣловаль въ чело, перекрестилъ
И, скрывъ въ душѣ кручины тяжелой бремя,
Сошолъ, ступилъ въ серебряное стремя.

20.

Дворъ зазвучаль отъ топота копытъ.
Дыханье занялось въ груди Мстиславны;
Изъ терема взглянула — нѣтъ его!
Послѣдній строй, рядъ отроковъ и гридней
Въ тесовыя тѣснился ворота;
Напутствія по стогнамъ раздавались;
Дворъ опустѣлъ; но въ опустѣлый дворъ
Еще она вперяла тусклый взоръ.

21.

Затихъ и шумъ вдали; но жаднымъ слухомъ
Еще она ловила каждый звукъ,
И крупныя жемчужины катились
Съ горячихъ вѣждъ изъ голубыхъ очей.
Она въ тоскѣ упала на колѣни,
Къ иконѣ взоръ сквозь слезы возвела,
И скорбь души, всю тяготу печали
Ея уста въ молитвѣ изливали.

22.

Граждане, между тѣмъ, за строемъ строй,
На красный дворъ несли свои доспѣхи;
За ними велѣдъ раздался стукъ колесъ.
Куда везутъ ихъ брони? На Владиміръ,
А черезъ день идетъ и войско въ путь.
Три мечника несутъ княжія латы,
Звпящую кольчугу, шлемъ стальной,
Украшенный насѣчкой золотой.

23.

Мстиславна сборъ услышала походный
И дѣвушку сѣнную позвала.
«Ты видѣла: безъ шлема, безъ кольчуги
Поѣхаль князь? Опъ половцамъ себя
Довѣритъ, какъ друзьямъ. Я все забыла!
Его ли удержать я не могла?
Но на меня дохнула злая сила,
И все не то я въ страхѣ говорила.

24.

«Ворожея гадала при тебѣ?
Скажи мнѣ... нѣтъ! пусть снова загадастъ...
Что жь выпало?» — «Она шептала намъ:
Бѣда какъ громъ: не ждешь, откуда грянетъ!»
— «Такъ, половцы!... Мнѣ снилось, въ грудь его
Вонзился ножъ; меня обрызгаль кровью;
Ощупала рукою; но по мнѣ
Лишь капли слезъ струились въ чудномъ снѣ.

25.

«Меня, мое дитя — онъ все оставилъ.
Зачѣмъ народъ не умолилъ его?
А я, зачѣмъ въ безпамятствѣ разлуки
Я именемъ Господнимъ, всѣхъ святыхъ,
Къ погамъ припавъ, его не заклинала?
Но поздно! Онъ, на кievскомъ пути
Взметая пыль съ летучею дружиной,
Уже моей не тронется кручиной!»

Пѣснь вторая.

1.

Красуется престольный Кіевъ градъ,
Одушевленъ народнымъ ликованьемъ;
Веселый, громкій гулъ колоколовъ
Расходится, какъ влаги кругъ струистый;
И звуки сурнъ и бубновъ, слитый шумъ
Всѣхъ голосовъ, всѣхъ кликовъ благодарныхъ,
Благихъ небесъ достойный гимнамъ,
Соединясь, восходить къ небесамъ.

2.

Во всѣхъ церквахъ хвалу Господню пѣлп
За крестный миръ, за свѣтлый сѣздь князей.
Толпы гражданъ по граду волновались
Изъ края въ край; во храмы рои жонъ
Шли въ фerezяхъ камчатныхъ, да краснѣли,
Какъ маковъ цвѣтъ; а gridни на коняхъ,
Какъ соколы, по улицамъ летали
И нищихъ на княжой обѣдъ сзывали.

3.

Всѣ собрались на Ярославовъ дворъ:
Убогіе, и странники, и старцы;

Перекрестясь, усѣлись вокругъ столовъ;
Дубовые—подъ браинами трещали;
Добыча смѣлой ловли — тамъ буй-турь,
Тутъ кабаны стояли, какъ живые,
И съ влагою искристо-золотой
Одна стопа шипѣла за другой.

4.

Самъ ласковый хозяинъ съ турьимъ рогомъ
Ходилъ вокругъ и подносилъ гостямъ
Кипящій медъ изъ рукъ своихъ державныхъ.
За нимъ и князь владимірскій, Давидъ,
И всѣ бояре шли да угощали.
Народъ, тѣсясь, толпился вокругъ двора
И повторялъ гостей веселыхъ клики:
«Да здравствуетъ на долго князь великій!»

5.

За трапезой былъ странникъ; на челѣ
Бездоліе, быть можетъ, и невзгоды,
А не лѣта, прорѣзали бразды;
Взоръ пламенѣлъ изъ-подъ склоненной вѣжды;
Въ окладистой и черной бородѣ
Довременно сѣдины пробивались.
Такъ серебрить луны незримый лучъ
Окраины широкихъ, темныхъ тучъ.

6.

Онъ всталъ, когда приблизился державный,
Съ поклономъ тихо всталъ онъ со скамьи,
Взглянулъ — печаль въ очахъ его сказалась.
«Ты бѣденъ? Я на радость преложу
Твою печаль. И паволокъ, и злата,
Въ сей день проси всего!» — «Великій князь!
Я бѣденъ; но, что у души отъято,
Не возвратить твое княжое злато.

7.

«Я не тужу о бѣдности своей;
Богатымъ я не жилъ и не родился.
Нѣтъ, на сердце иное налегло:
Я вспомнилъ... Но зачѣмъ тебя печалить
И облако на солнце наводитъ?»
— «Нѣтъ, странникъ, скорбь повѣдай мнѣ!» — Твой образъ
Мнѣ брата, князь, напомнилъ твоего, —
Высокій станъ и орлій взглядъ его.

8.

«Уже давно нѣтъ князя Ярополка!
Онъ въ землю легъ; но памятную пѣснь
Еще сыны Бояна напѣваютъ.
Я пѣлъ дѣла, я пѣлъ и смерть его;
При мнѣ онъ палъ; я гнался за Нерядцомъ,
Мой жадный мечъ убійцы не достигъ;
Но вотъ рубецъ! На память онъ остался,
Что честно я за князя подвизался».

9.

«Дай злата, князь! прервалъ пѣвца Давидъ:—
Онъ отъ тебя награды ждетъ за рану».
— «Нѣтъ, государь, жду милости иной:
Дозволь твое воспѣть гостепріимство.
Пусть, нищіе, за хлѣбъ и соль твою
Отплатимъ мы хоть благодарнымъ словомъ,
И мой напѣвъ, пройдя изъ устъ въ уста,
Умчитъ его въ грядущія лѣта».

10.

Запѣлъ Боянъ. Въ серебряныя гусли
Не ударялъ онъ легкою рукой
И съ голосомъ не созвучали струны —
Нѣтъ, съ хитростью пѣвецъ, какъ соловей,
Не сочеталъ божественнаго дара.
Лилася пѣснь какъ вольная струя,
По первому порыву, безъ искусства,
Отъ полноты восторженнаго чувства:

«Видѣлъ я міра сильныхъ князей,
Видѣлъ царей пированья;
Но на пиру, но въ сомнѣ гостей
Братій Христовыхъ не видѣлъ.
Слезы убогихъ искрами бьютъ.
Въ чашахъ шишучаго меда.
Гости смѣются, весело пьютъ
Слезы родного народа.

«Слава тебѣ! Ты любишь народъ,
Чествуешь и бѣдныхъ старцевъ.
Слава изъ рода въ будущій родъ,
Солнышку нашему слава!
Ты съ Мономахомъ Русь умирилъ
Кроткой, могучей десницей;

Тучи развѣя, ты озарилъ
Русское небо денницей.

«Слава князьямъ! Но въ стаѣ орловъ,
Слышите, граетъ и воронъ.
Онъ напнтался тукомъ гробовъ;
Лоснятся перья отъ крови:
Очи — красу молодого чела —
Очи, подобны денницѣ,
Онъ расклевалъ — и кровью орла
Рдѣется въ орлей станицѣ».

11.

Еще стоялъ осанисто пѣвецъ,
И черный взоръ, какъ молнія изъ мрака,
Сверкалъ. Глядѣлъ онъ долго на князей,
Народъ не зналъ, хвалить ли, нѣтъ Бояна,
И княжихъ словъ въ недоумѣннн ждалъ.
Но Святополкъ безмолвно озирался;
Сгущалась тьма на сумрачномъ лицѣ,
И въ горести забылъ онъ о пѣвцѣ.

12.

Онъ въ гридницу медлительной стопою
Идетъ, склоня угрюмое чело,
И проводивъ печальнаго очами,
Съ упрекомъ всѣ взглянули на пѣвца:
Зачѣмъ онъ пиръ разстроилъ?.. За державнымъ
Одинъ Давидъ послѣдовать дерзнулъ,
Пыталъ лица, очей его движенъе
И, наконецъ, промолвилъ въ утѣшенъе:

13.

«Я ближннй твой по крови: кто иной
Отъ всей души твое раздѣлить горе?
Мнѣ былъ онъ по тебѣ дороже всѣхъ,
И долго самъ я сѣтовалъ о падшемъ.
Открой же мнѣ всю душу; я твой другъ.
Излей печаль о братѣ Ярополкѣ,
И будетъ намъ отраднѣе вдвоемъ
И горевать, и поминать о немъ.»

14.

«Господь, Господь единый, а не люди.
Тебя и насъ утѣшить. Но къ чему

Въ день пиршества пѣвецъ, презрѣнный нищій,
На язву ядь излил? Что до князей
За дѣло имъ?» — «Я за любовь ко брату
Прощаю все ему. Но что онъ пѣлъ?
Не вѣрю я... Нѣтъ! я ли вѣрить стану
Порыву чувствъ и пылкихъ думъ обману?»

15.

«Что пѣснь? Что пѣснь? Давидъ, я сознаюсь,
Мнѣ въ душу пѣснь вдохнула подозрѣнье.
О комъ онъ пѣлъ?» — «Ты знаешь, Святополкъ,
Извѣстно всѣмъ, куда бѣжалъ Нерядецъ».
— «Куда бѣжалъ!.. Но быть не можетъ, князь,
Не можетъ быть. Какъ, дѣти Ростислава
Убійцы! Нѣтъ, они въ крови родной
Не обагрятъ руки своей честной».

16.

— «Я думалъ, что ты знаешь; мнѣ казалось.
Скрываешь ты въ груди своей вражду
Для тишины отчизны». — «Я? До гроба
Я буду мстить за брата моего,
До гроба мстить и до послѣдней капли
Я выпью кровь убійцы... Вѣдный братъ!
Ты юный наль душой и станомъ красный,
И не въ бою померкнулъ взоръ твой ясный».

17.

«Но мнѣ твоимъ не вѣрится словамъ.
Скорѣе всѣ, чѣмъ дѣти Ростислава...
Не вѣрю!» — «Я напомню, Святополкъ:
Ты требовалъ отъ нихъ главы Нерядца?»
— «Я требовалъ и былъ бы выданъ онъ,
Но онъ бѣжалъ». — «Живетъ онъ въ Теробовлѣ».
— «Какъ? Василько... убійцу... въ свой удѣлъ?..»
— «Не принялъ, нѣтъ! но онъ его призрѣлъ»...

18.

— «Холодный потъ съ раздумья проступаетъ...
Скажи мнѣ, князь: ужели Василько?
Пусть Володаръ, умершій братъ ихъ Коринь...
Но тотъ ли, кто и славимъ и любимъ?..»
— «Онъ черни льститъ на вѣчь, а дружина
За то его возноситъ до небесъ,
Что съ юныхъ лѣтъ ея послушный кличу,
Водилъ ее успѣшно на добычу».

19.

«Да что народъ! Пусть славить онъ его;
Изъ гроба намъ не вызвать Ярополка».
И взорами впился въ его чело.
Онъ жадно зрѣлъ, какъ дума тяжела.
Въ помость глаза уставя, Святополкъ
Безмолвень былъ. Онъ шевелилъ устами;
Отъ смутныхъ думъ горѣла голова,
Но на устахъ не строились слова.

20.

По грядницѣ поспѣшными шагами
Прошелъ. — «Меня сомнѣнье тяготитъ.
Гдѣ нищій?» — «Князь, ты нищему довѣришь?
Ему ли знать? Онъ темный человекъ».
— «А ты, Давидъ, какъ знаешь?» — «Я? Отъ многихъ...
Отъ Турика... Но вспомни, Святополкъ:
Мы поклялись предъ всѣми, на налоѣ,
Блюсти любовь и Русь хранить въ покоѣ,

21.

«И первый ты! Забудь же месть свою».
— «Мнѣ братъ, мнѣ кровь его дороже мира.
Не буду я покоенъ... Не могу
Покойнымъ быть, пока я не открою
Всей тайны. Не томи: скажи мнѣ все...
Нѣтъ, ты не любишь брата!.. Изъ могилы
Онъ молить, къ намъ возносить скорбный гласъ:
Па бравъ, Давидъ, на месть зоветь онъ насъ.

22.

«Онъ предо мной стоитъ окровавленный...
Ты поблѣднѣлъ, Давидъ! Ты самъ въ лицѣ
Отъ жадости и гнѣва измѣнился!
Клянись же, дай обѣтъ, что будешь мстить,
Какъ другъ, какъ братъ!» — «Я помню Ярополка,
А на душу грѣха я не приму;
Не навлеку на имя укоризны,
Что первый я нарушилъ миръ отчизны».

23.

— «Такъ вотъ, Давидъ, твоя любовь ко мнѣ!»
— «Повѣрь мнѣ, что я преданъ всей душою
Тебѣ, мой братъ старѣйшій; но, какъ другу,
Не растравлю твоей сердечной язвы.

И такъ сказала я лишнее». — «Постой!
Иди! Ты сталъ душою слабъ». — И долго
Ходилъ одинъ по грядницѣ пустой
То быстрою, то медленной стопой.

24.

Луна взошла на вышину лазури
И сыплеть свѣтъ съ безоблачныхъ небесъ
И на вѣнцы Софіи величавой,
И на святой Печерскій монастырь;
Главы церквей, какъ звѣзды, отдѣлились,
Свѣтлѣя отъ серебряныхъ лучей,
И Славу въ честь ихъ сонмъ блистаетъ звѣздный,
Какъ и небесъ сверкающія бездны.

25.

Престольный градъ по шумномъ торжествѣ
Покоится, какъ море послѣ бури.
Задумчивъ Днѣпръ: едва струится онъ;
Въ его волнахъ не плещутся русалки
И пѣсней заунывныхъ не поютъ;
Ихъ древніе пріюты опустѣли,
И крестъ святой изъ ясно-синихъ водъ
Изгналъ на вѣкъ подводный хороводъ.

26.

Уже луна сребристе мерцаетъ,
И сумраки спустилися на Днѣпръ,
Прозрачное, накинувъ покрывало
На горы и на сонный Кіевъ-градъ.
Недвижимъ онъ, и только, гдѣ Владиміръ
Крещенья свѣтъ излилъ на свой народъ,
Во мракѣ челнѣ, мелькая подъ горою,
Колышется, лелѣемый волною.

27.

Но кто стоитъ, опершись на весло?
Съ челна глядитъ онъ на высокій берегъ;
Какъ тѣнь, другой спустился. Въ зыбкій челнъ
Едва ступилъ: «Узналъ ли ты, гдѣ нищій?»
— «Я съ пиршества княжова шелъ за нимъ,
Надъ нимъ дышалъ, но во вратахъ внезапно
Отброшенный стремленіемъ толпы,
Уже съ трудомъ свѣдилъ его стопы.

28.

«Онъ скрылся. Я искалъ еще глазами,
Куда онъ путь направилъ; но въ толпѣ
Пестряющей и странниковъ и нищихъ
Не распозналъ я рубища его.
Разсыпались полунагіе гости,
Остался я одинъ. Но будь хранимъ
Онъ вѣдьмами, въ вертепахъ подь землю,
Я все его пристанище открою».

29.

Сказалъ и челнъ онъ оттолкнулъ весломъ;
Ударилъ имъ по влагѣ; отскочило
Оно отъ волнъ и съ плескомъ пало вновь.
Челнъ вышелъ изъ-подъ тѣни горъ прибрежныхъ;
Блеснувъ, стрѣла змѣею развилась,
Дошла до полъ-Днѣпра и по теченью
Чуть зыблемыхъ, объятыхъ нѣгой волнъ
Она, свѣтясь, слѣдила легкіи челнъ.

30.

Безъ веселья онъ спускался. Днѣпръ покойно
Качалъ его, какъ старецъ колыбель.
«Ты слышишь ли, Турякъ? Звучитъ нѣнье...
Ударь весломъ»... Протяжно голоса
Исходятъ изъ обители Печерской;
Въ ней лучъ блеснулъ; незримая рука
По храму цѣпь златую протянула,
И полонъ Днѣпръ молитвеннаго гула.

31.

«Мнѣ тяжело, Турякъ!»— «Вернемся, князь».
— «Нѣтъ, все равно: я Спасу негодень;
Въ обители еще я утромъ былъ,
Давалъ обѣтъ ему придѣлъ воздвигнуть;
Что жъ отвѣчалъ мнѣ схимникъ Іоаннъ?—
Лежитъ ли грѣхъ на сердцѣ—покаянье,
А не серебромъ обложенный придѣлъ
Омоетъ духъ твой отъ грѣховныхъ дѣлъ».

32.

— «Все мало для монаховъ! Имъ хотѣлось
Въ твое княжеское сердце заглянуть».
— «Отъ схимника я къ вѣщуну поѣхалъ,
Но отложилъ до ночи. Чернецы

Все видятъ, знаютъ: разгласить въ народѣ,
Что жертвы жгу богамъ моихъ отцовъ...
Какъ-будто и грѣшно предъ небесами
Сегодня знать, что завтра будетъ съ нами».

33.

«Но будетъ ли онъ завтра?...» — «Ѣдетъ онъ».
— «Но Ѣдетъ ли на Кіевъ?» — «Отъ Кульмея,
Что мнѣ кудесникъ передалъ вчера,
Тебѣ пересказалъ я, князь, и время
Прибыть ему».— «Презрительный пѣвецъ
Едва изъ рукъ добычи не исторгнулъ!
Какъ онъ металъ безстыдно на меня
Свой мрачный взглядъ, исполненный огня».

34.

«Мнѣ чудилось, что весь народъ, всѣ очи
Въ меня впились!» — «Тутъ былъ я, государь,
Я замѣчалъ за всѣми: на Бояна
Глядѣлъ весь ширь и взоровъ не сводилъ.
Я знаю самъ, мнѣ только показалось;
Но если бъ я негласно могъ пѣвца...
Чтобъ проводить его на новоселье...
Что думать тутъ? Лишь слово, князь, да зелье»...

35.

— «Молчи, Турякъ, ты извергъ!» — «Государь!
По мнѣ хоть пой потѣшный соловей
Безъ умолку».— «Но что бы онъ ни пѣлъ,
Онъ поводъ далъ къ тому, чего я жаждалъ,
Турякъ. Теперь направлень Святополкъ:
Онъ позоветъ тебя, будь скупъ на слово.
Я собственной предалъ его борьбѣ,
И пламя онъ раздуетъ самъ въ себѣ».

36.

— «Попалъ ли звѣрь, пусть онъ въ тенетахъ бьется,
Лишь только бы тенеть не разорвалъ».
— «Въ нуждѣ шепни два слова о Кульмеѣ...
Но если нищій разъ еще придетъ?»
— «Два ловчіе вблизи двора княжова,
Твои бояре, Лазарь и Василь,
Ждутъ недруга и до исхода ночи
Блюдутъ вокругъ дремлющія очи».

37.

— «Но если кто увидитъ слугъ моихъ?
Молва—огонь: чуть вспыхнетъ, все обхватить...
Какъ медлить онъ! Дождусь ли? Червь заботъ
Меня томить, какъ огненная жажда;
Но какъ свершимъ, то отдохнемъ душой.
Наказанный—предъ чернью виновентъ!..
И въ пропасти померкнетъ безъ слѣда
Съ высотъ небесъ упавшая звѣзда.

38.

«Что, другъ, успѣхъ?» — «Все въ мѣрѣ, князь, гаданья,
Хоть иноки считаютъ ихъ за грѣхъ,
Но жрецъ теперь намъ тайну разгадаетъ »
— «Мы Выдубичъ минули». Вправо челнъ
Направилъ онъ. «Но что за визгъ и вопли?»
Спросилъ Давидъ. — «Не даромъ, государь,
Ведется слухъ давно про эту гору,
Что не тиха въ полуночную пору».

39.

Еще взмахнулъ онъ веслами. «Турыкъ,
Закинь багоръ!» И челнъ причаливъ, оба
Взбираются по крутизнѣ горы,
И слѣва, обогнувъ ея вершину,
Въ ущельѣ, по уступу, гдѣ земля
Обрушилась и поросла кустами,
Сокрылись. Тамъ за камнемъ тѣсный ходъ
Въ пещеры вель подъ лоно самыхъ водъ.

40

Подземный путь во все концы вѣтвится;
Сто отзывовъ въ отвѣтъ на каждый звукъ
Грохочуть въ немъ; то своды захохочуть,
То всплещутъ, то завоютъ. Вѣдьма путь
Перебѣжала, громко засвистала,
За свистомъ свистъ раздался ей во слѣдъ.
— «Гдѣ путь? Земля колеблется подъ нами,
И я во тьмѣ теряюся очами».

41.

«Куда ступить?» — «Все ниже, князь». — Блеснулъ
Имъ въ очи яркій свѣточъ, и не дѣва
Явилась, не земная красота,
Но съ небомъ адъ слился въ обольщенье,

Въ грозу очей и прелесть гнѣвныхъ усть.
Въ рукѣ былъ мечъ, въ другой—пылавшій свѣточъ,
И взоръ блуждалъ, какъ слово на устахъ,
Безумный взоръ въ плѣнительныхъ очахъ.

42.

Блѣдна, и грудь подь русыми волнами,
Какъ легкій пламень въ трепетной рукѣ,
То падала, то воздымалась снова;
Дыханье прерывалось, и уста,
Когда искала звуковъ, то привычной
Улыбкою, казалось, расцвѣтуть.
«Пришельцы!» и промчалось слово гнѣва.
Какъ первый звукъ волшебнаго напѣва.

43.

«Отвѣтъ! отвѣтъ! Потушенъ ли огонь?»
— «Неугасимъ!» отвѣтствовалъ бояринъ,
И повторилъ Давидъ: неугасимъ!
«Надъ симъ мечомъ завитнымъ нашихъ предковъ
Клянитесь вѣкъ блюсти святыню тайнъ».
«Клянемся!» — «Если тайну разрѣшите,
Испепелить васъ пламя по частямъ
И вихри васъ развѣютъ по полямъ».

44.

«Клянемся!» Своды клятвы повторили;
Имъ усмѣхнулась чудная жена
И, будто не ступая, побѣжала;
За нею пламя, какъ свѣтила хвостъ,
Летѣло внизъ, потухло въ легкомъ бѣгѣ,
И пугниковъ объемлетъ прежній мракъ.
Надъ ихъ челомъ пронесся звонкій хохоть,
И вновь кругомъ звучитъ стогульный грохоть.

45.

И вдоль пути глухіе голоса
Изъ стѣнъ пещерныхъ имъ шептали въ уши:
«Храните тайну; если врагъ про насъ
Узнаетъ, мы и сестры обернемся
Въ станицу птицъ ночныхъ и по куску
Когтями растерзаемъ ваше тѣло,
И воскресимъ и растерзаемъ вновь
И высосемъ предательскую кровь.

46.

«Клянись же и въ третій разъ!» — «Клянемся!»
Внезапно дверь отверзлась; понеслись
Стремительно навстрѣчу тучи дыма;
Сквозь облако вертепъ, какъ смутный сонъ,
Открылся: семь кумировъ, огонь предъ ними;
Кругомъ боговъ кружилась цѣпь старухъ,
И вокругъ нея, съ веселостью безумной,
Цѣпь юныхъ дѣвъ мелькала въ пляскѣ шумной.

47.

Незримый хоръ при заклинаньяхъ пѣлъ:
«Перунъ ли въ тучахъ на крылѣхъ Стрибога
Промчится, вслѣдъ по радугѣ сойдутъ
Велесъ, богъ стадъ, Купала—плодоносецъ,
Колядо съ миромъ, Ладо—богъ любви,
А гдѣ любовь, тамъ благъ податель—Дажбогъ».
Но смолкнулъ хоръ. При входѣ двухъ гостей
Распались звеня пляшущихъ цѣпей.

ЖРЕЦЪ.

Добрые гости!

ХОРЪ.

Добрые гости!

Вѣдьмы, русалки! Снова двойною
Цѣпью скачите. Вѣчно мѣняясь,
Юность и старость, лѣто—зима,
Пляшутъ, летятъ двойной вереницей
Вкругъ неизмѣнныхъ, вѣчныхъ боговъ.
Снова летите птицей за птицей,
Шумно кружась двойной вереницей.

ЖРЕЦЪ ПЕРУНОВЪ.

Кружитесь вокругъ вѣчно-живого костра
И пойте вѣчное проклятье!
Низринуть небесный въ пучину Двѣпра—
Проклятье, вѣчное проклятье!

ВСЪ.

Проклятье, вѣчное проклятье!

НЕЗРИМЫЙ ХОРЪ.

Горятъ, гремятъ небесныя проклятья.
Божественный въ сѣдую бездну палъ,

По вѣрный Двѣпръ пріялъ его въ объятья
И влажными устами лобызаль
Главу, стопы его святяя;
И передь тѣмъ, кто вержетъ громъ,
Покорно волны вѣковыя
Поникли трепетнымъ челомъ.

ПЕРУНОВЪ ЖРЕЦЪ.

Костеръ, разметанный врагамъ,
Пылаетъ снова передь нимъ!
Пусть тушатъ хладными устами:
Священный огонь неугасимъ!

В С ъ .

Священный огонь неугасимъ!

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

Грудныхъ младенцевъ, непричастныхъ
Грѣху отцовъ,
Несите, вѣдьмы и русалки,
Предь ликъ боговъ!
Мы на кострѣ сождемъ начатки
Отъ ихъ волосъ,
Чтобъ сынъ славянъ богамъ славянскимъ
Во славу росъ.

ТРИ ВѢДЬМЫ.

Мы змѣю зашипѣли
И какъ вихоръ понеслись;
Съ визгомъ въ теремы влетѣли
И дѣтей изъ колыбели
Мы схватили и взвились.

В С ъ В Ѣ Д Ъ М Ы .

Цѣпки у вѣдьмы медвѣжя ланы,
Легокъ нашъ конь, помело,
Свищемъ и скачемъ, пока на востокъ
Не разсвѣло.

РУСАЛКИ.

Неслышной стою
Касаясь земли,
Мы руку съ рукою
Какъ вѣтви сидели;
Мы пѣнь напѣвали

И въ луннымъ лучахъ
Какъ тѣни мелькали
На Лысыхъ горахъ.
Мы дѣвъ заманили
На пѣсенный гласъ,
Вкругъ лины водили,
И съ каждой изъ насъ,
Смѣясь, цѣловались
Онѣ сквозь вѣнокъ
И съ нами сплетались
Въ русальный кружокъ.
Вотъ сходимъ . Какъ птицы,
Поемъ и летимъ,
Со смѣхомъ въ свѣтлицы
Порхнемъ къ молодымъ,
То шопотомъ сладко
Надъ люлькой поемъ,
Поемъ и украдкой
Дитя унесемъ.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦЪ.

Святыхъ постригъ совершены обряды,
И семь славянъ богамъ посвящены.
Да будутъ ихъ младенческіе сны
Исполнены божественной отрады!
Пусть Ладо къ нимъ въ видѣніи сойдетъ,
Пусть имъ внушитъ къ богамъ благоговѣнье,
И сладкое младенчества видѣнье
Глубоко въ душу западетъ!

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

И пусть съ колыбели сердце ихъ дышитъ
Любовью къ богамъ славянскихъ племенъ:
Пусть каждый младенецъ имя услышитъ,
Святѣйшее всѣхъ небесныхъ именъ!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦЪ.

Есть небеса надъ небесами,
Превыше молній и громовъ;
Есть звѣздный теремъ надъ звѣздами,
И ни единый изъ боговъ
Не преступалъ его порога:
Судьба—при имени святомъ
Во прахъ поникните челомъ—
Сама судьба есть мысль Бѣлбога!

В С Ъ Ж Р Е Ц Ы .

Обрядъ свершонъ.

В Е Р Х О В Н Ы Й Ж Р Е Ц Ъ .

Теперь распадитесь
Всѣ звеня цѣпей!
Два гостя, ступиге
Предъ жертвенный огнь.
Вопросъ вашъ я знаю
И дамъ я отвѣтъ. .
Русалки и вѣдьмы!
По дебрямъ, горамъ
Вы скачете ночью
Вкругъ кievскихъ стѣнъ.
Кто прибылъ? Кто прибылъ?

Р У С А Л К И .

На Рудицѣ станъ!

В Ъ Д Ъ М Ы .

На Рудицѣ станъ!
И чуждому Богу
Въ шелковомъ шатрѣ
Тамъ молится витязь.

В Е Р Х О В Н Ы Й Ж Р Е Ц Ъ .

Тотъ Богъ не спасеть!
Запекшейся крови
Возьмите отъ жертвъ,
Скачите вкругъ стана,
Промчитесь грозой;
Отъ крови, согрѣтой
Дыханіемъ устъ,
Вы бросьте три капли
На витязя станъ:
Тамъ врагъ, тамъ гонитель
Славянскихъ боговъ.
Русалки и вѣдьмы,
По доламъ, по горамъ
Разсѣйтесь, несите
Погибель врагамъ.

18.

Разсѣялись. Одинъ верховный жрецъ
Остался. «Знать грядущее ли жаждешь»

Иди за мной!» Давиду онъ сказалъ
И путниковъ сквозь рядъ боговъ проводить.
Въ священный сумракъ тихо сходить онъ.
Чуть свѣтитъ лучъ отъ тлѣющаго жара;
Въ крови стоитъ предъ ними Чернобогъ,
И черепы повержены у ногъ.

49.

Верховный жрецъ на угли кинулъ жупель
И въ синій пламень черепъ положилъ.
Онъ шопотомъ невнятнымъ заклинанья
Надъ нимъ читалъ. Вотъ черепъ почернѣлъ,
И наконецъ опепелились кости;
Вотъ жрецъ на нихъ перстомъ слѣдитъ черты.
«Внимай, Давидъ, благоговѣйнымъ слухомъ:
Успѣхъ тому, кто бодръ и силенъ духомъ;

50.

«Кто чашу яда смѣло поднесетъ
И дастъ врагу испить ее до капли!
Тебѣ есть путь, но нѣтъ полу-пути.
Отъ робкаго и боги отлетаютъ».
— «На все готовъ!» отвѣтствовалъ Давидъ
Въ смятеньи: «я ручаюсь за начало;
Но что конецъ?.. Какъ низкіе рабы,
Мы при концѣ зависимъ отъ судьбы».

51.

— «Въ свидѣтели приѣмлю Чернобога,
Давидъ! Черты по черепу легли,
Во знаменье желаннаго успѣха;
Но вспомни: не пришлецъ изъ чуждыхъ странъ,
Но Богъ родной тебѣ успѣхъ даруетъ,
Но богъ славянъ, его жь отвергла Русь,
Затѣмъ, чтобъ намъ, питомцамъ бранной славы,
Безсильный грекъ, нашъ данникъ, далъ уставы!

52.

«Признай, люби отеческихъ боговъ!
Клянись!» Давидъ невольно поднялъ руку;
Но, какъ свинецъ, отяжелѣла длань
И на плечо боярина упала.
Турякъ взглянулъ съ усмѣшкой на него.
«Ужель тебя христьянскій рай чаруетъ?»
Воскликнулъ жрецъ. «Но тамъ, средь чернецовъ,
Ты будешь сирь и чуждь своихъ отцовъ.

53.

«Законъ христьянъ не доблесть, а смиренье;
Уже народъ женоподобенъ сталъ,
И прежде всѣхъ самъ древній князь Владиміръ.
Вотъ первый бичъ; еще иной грозить!
Съ зари восходятъ тучи... Обратитесь!
Уже куетъ оковы гнѣвный богъ
И превратитъ всю Русь съ ея князьями
Въ развалины, сцѣпленные бичами!»

Пѣснь четвертая.

1.

Уже давно палаты Святополка
Могильная объяла тишина
И царствуетъ со сумраками ночи.
Лѣниво сонъ на стольный Кіевъ-градъ
Склонилъ свои распущенныя крылья;
Но Святополкъ не дремлетъ: онъ горитъ,
Онъ отъ себя съ усильемъ гонитъ думу
И въ тишинѣ еще внимаеть шуму.

2.

«Какъ онъ любимъ, какъ онъ любимъ, Давидъ!
Еще мнѣ вѣче въ слухѣ раздается...»
(Такъ молвилъ онъ. Давидъ стоялъ предъ нимъ
И наблюдалъ души его порывы).
«Я самъ ушелъ; все вѣче разошлось
По Кіеву; но доходили клики
Еще ко мнѣ, среди моихъ палатъ
Гремя, какъ въ тучахъ грома перекачь.»

3.

«Несносный гулъ! Все слышу тѣ же клики!..
Зачѣмъ давно ты не пришелъ ко мнѣ,
Въ тотъ самый мигъ, какъ распустилъ я вѣче?...
Я ждалъ тебя, твоихъ совѣтовъ ждалъ».
— «Но, Святополкъ, съ дружиною до ночи
Ты въ гриднищѣ гремялъ противъ гражданъ
И въ шумѣ словъ, въ пылу негодованья,
Не могъ вести со мною совѣщанья.»

4.

«Я лишній былъ. Теперь уже пора
Не словъ, а дѣла». — «Мнѣ одно осталось,

Давидъ, пустить на волю!... Весь народъ
Заступится за князя. Изъ темницы
Онъ мнѣ на зло исторгнетъ Василька...
Какъ думаешь?... Велю я снять оковы!»
— «Но прежде, чѣмъ освободишь его,
Сойдешь ли, князь, съ престола своего?

5.

«Совѣтую сойти тебѣ съ престола:
Уже онъ ковъ замыслилъ на тебя,
Но не имѣлъ къ тому еще предлога;
Теперь на все рѣшится: есть предлогъ;
И на престолъ онъ ступить изъ поруба!
Тогда иной услышишь гулъ. Народъ
Измѣной не почтетъ своей измѣны
И кликами поколебаеть стѣны.

6.

«Вся чернь воскликнетъ: «Мы спасли его,
Мы совлекли оковы: онъ невиненъ,
Онъ праведникъ, нашъ свѣтлый Василько!»
И станетъ гнать тебя, какъ вѣроломца;
Себя почтетъ преступный твой народъ
Твоимъ судьей, поставленнымъ отъ Бога,
И будешь изъ земли конца въ конецъ
Скитаться, какъ несчастный твой отецъ».

7.

— «Не допущу себя до посрамленья,
Давидъ! Но я хотя и убѣжденъ
Въ душѣ, какъ ты, что Василько преступенъ,
Но... если онъ невиненъ?... — «Поздно, князь!
Зачѣмъ, зачѣмъ ты прежде не размыслилъ,
Пока его еще не оскорблялъ?
Въ перубѣ онъ, оковами тягчимый,
Уже горитъ враждой непримиримой.

8.

«Теперь все поздно, князь! Невиненъ онъ?—
То будетъ месть грознѣе. Онъ невиненъ?...
Пусть выйдетъ изъ темницы: гласъ его
Во всѣ концы по Руси пронесется.
Что истины сильнѣе? Созоветъ
Поборниковъ своей правдивой мести,
Придетъ вся Русь по долгу, изъ любви
И утолитъ себя въ твоей крови.

9.

«Кого мы разъ въ сей жизни оскорбили,
Того должны стереть съ лица земли.
Тебѣ нельзя признать его невиннымъ.
Но, впрочемъ, я, какъ ты, увѣренъ, князь,
Что онъ вполнѣ преступенъ». — «Я не знаю,
Давидъ, на что рѣшиться? Не могу
Убить его; держать его — не смѣю;
И въ мысляхъ я, теряясь, цѣпенѣю.

10.

«Давидъ, уже мятежный вѣча кликъ
Напомнилъ мнѣ, что было за Всеслава!..»
— «Желаешь, князь? Я увезу его:
На все готовъ для брата и для друга!»
— «Вези его... Онъ какъ игла въ очахъ..
Вези скорѣе, дѣлай съ нимъ, что знаешь...
Вонъ, вонъ отсюда! Онъ несносенъ мнѣ;
Я убѣжденъ во всей его винѣ».

11.

Грядами тучъ заволокло все небо;
Въ безмѣрномъ мракѣ свѣтятъ два огня;
Два свѣточа горятъ передъ порубомъ.
Темничные затворы въ тишинѣ
Внезапно загремѣли. Князь очнулся.
По сладостной молитвѣ онъ дремалъ
Метиславнѣ, другу, въ тихомъ сновидѣннѣ
Его уста шептали утѣшенье.

12.

Вошелъ Турякъ и четверо за нимъ,
И освѣтилъ темницу яркѣй свѣточъ.
«Иди за нами, князь! Никто какъ Богъ!
Надѣйся, князь, на кротость государя».
— «Мой Спасъ — моя надежда. Но меня
Куда теперь ведете?...» — «Ты узнаешь;
Судьба твоя къ рѣшенію близка»
И, окруживъ, выводятъ Василька.

13.

На немъ гремятъ, сшибаяся, оковы;
Съ трудомъ стопы передвигаетъ онъ
Вогъ вышелъ князь; медлительнымъ дыханьемъ
Въ себя вдыхаетъ воздухъ; къ небесамъ

Свой вольный взоръ съ улыбкою возводить,
И съ именемъ Заступницы святой
Гремящею перекрестясь рукою,
На грудь свою склонился онъ главою.

14.

Уже по стогнамъ кievскимъ стучать
Тяжелыя колеса. Домъ за домомъ
Минуется; но ни единый взоръ
Во тьмѣ ночной и въ тишинѣ безлюдной
Изъ оконъ не стремится къ Васильку,
Не взглянетъ на него изъ состраданья.
Какъ шумныя колеса ни стучать,
Но мирный сонъ объемлетъ стольный градъ.

15.

Зачѣмъ ихъ стукъ въ сердцахъ не отозвался,
Защитниковъ собой не пробудилъ?
Проѣхавъ чрезъ ворота Золотыя,
Князь Василько прощальный бросилъ взоръ
На Кіевъ-градъ, гдѣ братьевъ онъ оставилъ,
Не снявъ грѣха съ преступной ихъ души.
Уже съ горы быстрѣ скачутъ кони,
Помчались, какъ разбойникъ отъ погони.

16.

Вкругъ узника, по сторонамъ, Василь
И Лазарь, слуги вѣрные Давида,
И Дмитръ, его конюшій, и Сновидъ,
А впереди два торчина сидѣли.
«Куда меня везете?» — «Въ 'Теребовль»,
Сказалъ Василь, и всѣ захохотали.
Сошелся взглядъ со взглядомъ; изо всѣхъ
Исходить вновь невольный дикій смѣхъ.

17.

Князь Василько, взглянувъ на нихъ съ участиемъ,
Отъ глубины души своей вздохнулъ.
Но вотъ за нимъ раздался конскій топотъ;
Летитъ какъ вихоръ всадникъ молодой.
«Мой князь, отецъ мой крестный! Дайте, дайте
Мнѣ сѣсть къ нему!» воскликнулъ Михаилъ.
Конь мчится весь на воздухъ; но даромъ
На скачущихъ онъ дышитъ темнымъ паромъ.

18.

«Стой, стой!» еще воскликнул Михайль.
 Къ нему Василь мгновенно обернулся
 И, палицей ударя, спибу съ коня.
 Онъ палъ; изъ горла кровь заклокотала.
 «О Боже, Боже!» узникъ закричалъ:
 «Какъ Иова, меня ты искушаешь».
 И къ сыну взоръ летѣлъ сквозь ночи тьму;
 Но взоръ, но крикъ не доходилъ къ нему.

19.

Простылъ и слѣдъ за узникомъ державнымъ.
 Съ небесъ, затканныхъ темной пеленой,
 Луна изъ тучъ уныло проглянула
 И озарила блѣдное лицо
 Младого Михаила. Онъ недвижимъ
 Лежалъ; въ рукахъ поводья; вѣрный конь
 Его чела касался длинной гривой
 И землю рылъ ногой нетерпѣливой.

20.

Шелъ нищій по дорогѣ. Онъ, едва
 Въ ручьяхъ кровавыхъ отрока завидѣлъ,
 Бѣжитъ къ нему стремглавъ. Съ испуга конь
 Шарахнулся, и Михайль очнулся.
 «Гдѣ Василько?.. Куда везутъ его?..
 Скажи мнѣ, добрый человѣкъ!.. Не знаешь?..
 Они меня не взяли. Пѣтъ, злодѣй
 Меня ударилъ палицей своей».

21.

— «Ты отрокъ Василька?» съ участиемъ нищій
 Спросилъ его и побѣждалъ къ ручью.
 Чело страдальца, грудь его больную
 Онъ освѣжилъ студеною волной.
 — «Что, лучше ли?.. Тебѣ рукою дряхлой
 Я помогу держаться на конѣ».
 Вотъ отрокъ сѣлъ, и нищій осторожно
 Повелъ коня къ дубровѣ придорожной.

22.

Въ бору огонь изъ хижины мерцалъ.
 На стукъ выходить съ дочерью старушка,
 И съ нищимъ обѣ юношу съ коня
 Снимаютъ, на соломенное ложе,

Внеся его, спускають тихо съ рукъ;
И дѣвушка, какъ ангелъ надъ могилой,
Съ печалію склонилася надъ нимъ
И грѣтъ грудь дыханіемъ своимъ.

23.

— «Людей нашли мы добрыхъ», молвилъ ципці:
«Теперь, прости! Я шель, какъ ты, во слѣдъ
За Василькомъ. Спѣшу. Про все узнаю
И въ Теробовль на крыльяхъ полечу».

— «Возьми коня», сказалъ съ усильемъ отрокъ
И впалъ въ забвеніе. «Конь, мой конь, лети...
Какъ шибко скачуть!.. Стой!.. Я, князь, съ тобою!
Я буду цѣпъ поддерживать рукою... »

24.

Уже подъ нищимъ скачетъ борзый конь
По той дорогѣ, гдѣ давно со стражей
Проѣхалъ свѣтлый узникъ. Василька
Уже въ то время въ Бѣлгородъ примчали.
Во тьмѣ ночной, въ глубокой тишинѣ,
Его ввели въ истонку; разложили
Предъ нимъ коверъ; и торчинъ-берендѣй
Выносятъ ножъ изъ-за полы своей.

25.

Онъ точитъ ножъ, бросая взглядъ на князя.
Тогда заря зардѣлась въ небесахъ
И на цѣпяхъ его засеребрилась.
Онъ, разгадавъ, сквозь сумракъ тяжкихъ думъ,
Свой горькій жребій, всталъ, взглянулъ съ любовью
На ясную предшественницу дня.
Во всей красѣ, въ одеждѣ разноцвѣтной,
Лила она по небу свѣтъ привѣтный.

26.

Идетъ во всемъ величїи женихъ
За свѣтлой, за краснѣющей невѣстой:
Цыласть солнце, неба исполинъ,
Живить весь міръ, и пламенное око
Встрѣчаетъ взоръ пропальный Василька.
Какъ радостень восходъ, по долгой ночи!
И узникъ въ память съ жадностью очей
Врѣзаетъ міръ, блестящїй отъ лучей.

27.

«Какъ Спасъ, ты льешь и свѣтъ, и жизнь на землю!
Воскликнувъ громко, душу всю излилъ
Онъ въ утренней и пламенной молитвѣ.
Едва окончилъ, торчинъ, Дмитръ, Сновидъ,
Всѣ бросились на князя; но цѣпями
Онъ ихъ разить, и падаютъ во прахъ;
Встаютъ — и вновь повержены: оковы
Враговъ, какъ мечъ, всегда разить готовы.

28.

На крикъ вбѣжали двое. На коверъ
Они его повергнувъ и опутавъ,
На грудь взложили доски; по концамъ
Сновидъ и Дмитръ, Василь и Лазарь сѣли.
Онъ застоналъ, и затрепала грудь;
Послѣднй свѣтлый взоръ ужъ закатился,
Лучи души потухнули въ очахъ,
И замеръ стонъ на трепетныхъ устахъ.

29.

Взявъ торчинъ ножъ, готовясь къ ослѣпленью,
Ударилъ — но не въ очи; онъ лицо
Страдальца пѣрерѣзалъ. — «Ты неловокъ!»
Сказалъ Василь. Краснѣя, торчинъ ножъ
Отеръ полою; вотъ его въ зѣницу
Ввернулъ; кровь брызнула изъ-подъ ножа;
Ввернулъ его въ другую, и ланиты
Уже волной багровою покрыты.

30.

Всѣ вышли вонъ. Остался Василько
Одинъ. Онъ на коврѣ, какъ трупъ кровавый,
Недвижимъ безъ дыханія лежалъ,
И запеклись — не очи, но отверстия.
Чернѣютъ два кровавые пятна...
Ты ихъ, Давидъ, не смоешь съ книги жизни!
Нетлѣвныя, они горятъ на ней,
Какъ мука вѣчная душѣ твоей.

31.

Уже опять мучители страдальца
Сбираются въ дорогу. Дмитръ, Сновидъ
Вошли; изъ глазъ слеза у нихъ пробилась.
Вотъ завернувъ его въ коверъ, несутъ

Какъ мертваго; взложили; скачутъ кони;
Вотъ Здвиженскъ мостъ подъ ними задрожалъ.
И въ домъ, къ приему путниковъ готовый,
Уже летять по площади торговой.

32.

Священникъ былъ хозяинъ дома. Онъ
Гостей такихъ не ждалъ. Нѣтъ! Дыбомъ волосъ
Всталъ на сѣдой, маститой головъ.
Внесли коверъ; обѣдать сѣла стража;
Василь совлекъ сорочку съ Василька.
«Смой кровь!» сказавъ, хозяйкѣ бросилъ въ руки;
И старица и внемлетъ, и глядитъ;
Но замеръ духъ, и вся какъ листъ дрожить.

33.

И вдругъ, сгѣша, ее на дворъ выносить
И держать недвижимо предъ собой;
Взыдала. «Нашимъ воплемъ не поможемъ:—
Не плачь, старушка!» ницѣй ей сказаль:
«Къ чему твой стонъ? Нѣтъ, лучше дай рубашку:
На ней нужна мнѣ кровь»... И, взявъ, исчезъ;
Но старица рыдала; воплей сила •
Страдальца изъ забвенья пробудила.

34.

Привставъ, «гдѣ я?» промолвилъ тихо онъ.
— «Ты въ Здвиженскѣ», сказаль Василь.— «Ахъ, дайте
Воды испить». За каплей каплю пьетъ;
Вдохнулъ, себя оцупалъ. «Гдѣ рубашка?»
Воскликнулъ онъ. «Свлекли ее съ меня?
Ее зачѣмъ вы сняли? Нѣтъ, въ сорочкѣ,
Нѣтъ, я хотѣлъ, одѣтый въ кровь мою,
Предстать передъ Всевышняго судью!»

35.

И ослабѣлъ онъ снова отъ усилъя.
Предъ нимъ стоялъ священникъ. «Помертвѣлъ!
Отходитъ онъ! Запасными дарами
Я причащу страдальца». — «Но зачѣмъ?»
Сказаль Василь: «онъ осужденъ князьями,
Зачѣмъ спасти ты хочешь духъ его?»
— «Господь суда отъ міра не приѣмлетъ!»
Рекъ старецъ; но словамъ никто не внемлетъ.

36.

«Предъ Спасомъ не виновенъ Василько,
И предъ людьми страдалецъ не виновенъ:
Пройдутъ князья, пройдетъ и судъ князей;
Но истина на небѣ и въ потомствѣ
Какъ солнце просіяетъ.» — «Онъ ума
Отъ старости лишился», молвилъ Лазарь,
И влѣдъ за нимъ захохоталъ вокругъ
Весь дикій сонмъ князьямъ покорныхъ слугъ.

37.

Страдальца путь оконченъ. Во Владиміръ
Заранѣ пріѣхалъ князь Давидъ
И тѣсный домъ къ приему приготовилъ:
Онъ Василька за стражею провелъ
И въ душную и мрачную темницу.
Зачѣмъ, Давидъ? По сумракъ ночей
Уже ему не свѣтитъ денница,
И цѣлый міръ—какъ мрачная темница!..

1827—30.

Чита.

Русская Старина 1882 г., кн. 2 и 3.

XV.

СЕНЪ-БЕРНАРЪ.

Во льдяныхъ шлемахъ великаны
Стоять, теряясь въ облакахъ,
И молній полные колчаны
Гремятъ на крѣпкихъ раменахъ;
Туманы зыбкими грядами,
Какъ поясъ, станъ ихъ облегли,
И разступилась грудь земли
Подъ ихъ гранитными стопами.

Храните благодатный Югъ,
Соединясь въ завѣтный полукругъ,
Вы, чада пламени, о Альпы исполины!
Храните вы изъ вѣка въ вѣкъ
Источники вѣчно-шумящихъ рѣкъ
И нѣжно-злачныя Ломбардіи долины.

Кто мчится къ Альпамъ? Кто летитъ
На огненномъ питомцѣ Нила?

Въ очахъ покойный взоръ горитъ,
Души неодолимой сила!
Въ немъ зрѣеть исвая борьба—
Грядущій рядъ побѣдъ летучихъ;
И неизбѣжны, какъ судьба,
Рѣшенья думъ его могучихъ.

Съ коня сошелъ онъ. Чужа бой,
Воскликнулъ Сень-Бернаръ: «Кто мой покой
Парушить смѣлъ?» Онъ рекъ,—и шумная лавина
Ниспала и закрыла долъ;
Протяжно вслѣдъ за гуломъ гулъ пошелъ,
И Альпы слили въ громъ глаголы исполина.

«Я узнаю тебя! Ты съ вильскихъ пирамидъ
«Слетѣлъ ко мнѣ, орелъ неутомимый!
«Тебя, бессмертный вождь, мучительно томить
«Побѣды гладъ неутолимый;
«И имя, какъ самумъ на пламенныхъ пескахъ,
«Шумящее губительной грозой,
«Ты хочешь впечатлѣть желѣзною стопою
«Въ моихъ негнѣющихся снѣгахъ!
«Нѣтъ, нѣтъ! Италиі не уступлю безъ боя!»—

«Впереды!» отвѣтъ могучій прозвучалъ.
Уже надъ безднами виситъ стезя героя,
И вверхъ по ребрамъ голыхъ скалъ,
Гдѣ нѣтъ когтей слѣдовъ, гдѣ гнѣздъ не выютъ орлицы,
Идутъ полки съ довѣрьемъ за вождемъ;
Всходя, цѣпляются безстрашныхъ вереницы
И въ мѣдныхъ жерлахъ вносятся громъ.
Мрачится Сень-Бернаръ: одѣянъ бурной мглою,
Вдругъ съ трескомъ рушится, то вновь стоитъ скалою;
Сто усть, сто безднъ, раскрывъ со всѣхъ сторонъ,
Всѣмъ мразомъ смерти дышитъ онъ.
«Впереды!» воскликнулъ вождь. «Впереды!» промчались клики...
Рѣдѣетъ мгла, и небо разсвѣло...
И гордую стопу занесъ уже Великій
На исполинское чело.

«Италія—твоя, мой чудный побѣдитель!
«Въ лучахъ блеститъ Маренго! Цѣль побѣдъ
«По міру прогремитъ.. Но встанетъ крѣпкій мститель,
«И ты на свой наступишь слѣдъ.
«Свершая замыслы всемірнаго похода,
«Ты помни: твой предтеча Аннибалъ.

«Разбивъ вождей, не побѣдилъ народа
«И грозный поворотъ фортуны испыталъ.
«Страшись! Уже на кликъ отечества и славы
«Встаетъ народъ: онъ грань твоихъ путей;
«Всходящая звѣзда мужающей державы
«Уже грозить звѣздѣ твоей!..
«Въ полночной мглѣ, въ снѣгахъ есть конь и всадникъ мѣдный...
«Ударить конь копытами въ гранитъ
«И, кинувъ огонь въ сердца, онъ искрою побѣдной
«Твой грозный лавръ испепелить».

1831.

Петровскъ.

Современникъ 1838 г., т. X.

XVI.

ДАЛЕКИЙ ПУТЬ.

На прїѣздъ Камилы Петровны Ивашевой
По дорогѣ столбовой
Колокольчикъ заливаётся...
Что не парень удалой
Мягкимъ снѣгомъ опушается,—
Пѣтъ, то ласточкой летитъ
По дорогѣ красна дѣвица.
Мчатся кони... Отъ копытъ
Вьется легкая метелица.
Крoясь въ пухъ соболей,
Вся душою въ даль уносится;
Изъ задумчивыхъ очей
Капля слезъ за каплей просится...
Грустно ей... Родная мать
Тужить тугою сердечною;
Больно душу оторвать
Отъ души разлукой вѣчною.

Сердце горю суждено,
Сердце на-двое не дѣлится;
Разрывается оно...
Дальнїй путь предъ нею стелется.
По зачѣмъ въ степную даль
Свѣтъ-душа стремится взорами?
Ждетъ и тамъ ее печаль
За желѣзными затворами.

«Съ другомъ люблю и въ тюрьмѣ!»
Въ душѣ мыслить красна дѣвица:—

«Свѣтъ опъ мнѣ въ могильной тьмѣ...
«Встань, неси меня, метелица,
«Занеси въ его тюрьму!
«Пусть, какъ птичка домовитая,
«Прилечу и я къ нему,
«Притаюсь, людьми забытая».

1831.

Русская Бесѣда, 1859 г. т. II.

XVII.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, мой младенець,
Милый мой Атіи,
Сладко усни!
Пусть къ изголовью
Ангель-хранитель
Тихо слетить.

Вотъ онъ незримый
Люльку качаетъ;
Крылышкомъ мирный
Сонъ навѣваетъ.
Атіи, мой Атіи
Вѣянье крыльевъ
Слышитъ сквозь сонъ;
Сладко онъ дышитъ,
Сладкой улыбкой
Вскрылись уста.

Ангель-хранитель
Люльку качаетъ,
Крылышкомъ тихо
Сонъ навѣваетъ.

1832 г.

Петровскъ.

Изд. 1883 г.

XVIII.

ДВА ОБРАЗА.

Мнѣ въ ранней юности два образа предстали,
И вѣчно ясные, надъ сумрачнымъ путемъ
Слились въ созвѣздіе, свѣтились сквозь печали
И согрѣвали духъ живительнымъ лучомъ.

Я возносился къ нимъ съ молитвой благодарной,
Слѣдилъ ихъ мирный свѣтъ и жаждалъ ихъ огня;
И каждая черта красы ихъ свѣтозарной
Запала въ душу мнѣ и врѣзалась въ меня.

И міра не узналъ въ отливѣ ихъ сіянья:
Казалось, предо мной открылся міръ чудесъ;
Онъ ихъ лучами цвѣлъ, и блескъ всего созданья
Былъ отвѣтъ образовъ, свѣтившихъ мнѣ съ небесъ.

И жаждалъ я на все пролить ихъ вдохновенье,
Блестящей ими путь сквозь бури провести...
Я въ море бросился — и бурное волненье
Пловца умчало въ даль по шумному пути.

Свѣтились двѣ звѣзды: я видѣлъ ихъ сквозь тучи;
Я ими взоръ пойлъ; но всталъ девятый валь,
На влажную главу подъялъ меня могучій,
Меня недвижнаго понесъ онъ и примчалъ—

И съ пѣной выбросилъ въ могильную пустыню;
Что шагъ—то гробъ, на жизнь—отвѣтной жизни нѣтъ;
Но я еще хранилъ души моей святую,
Завѣтныхъ образовъ небесный огонь и свѣтъ.

Что искрилось въ душѣ, что изъ души тѣснилось,
Все было ихъ огнемъ. Ихъ лучъ меня живилъ;
Но небо надо мной померкло и спустилось,
И пали двѣ звѣзды на камни двухъ могилъ.

Онѣ разсыпались, онѣ смѣшались съ прахомъ...
Гдѣ образы? Ихъ нѣтъ! Я каждую черту
Ловлю, храню въ душѣ, и съ нѣжностью и страхомъ,
Но не могу ихъ слить въ живую полноту.

Кто силу воскресить потухшихъ впечатлѣній
И въ образы сведеть несвязныя черты?
Ловлю всѣ призраки легучихъ сновидѣній,
Но въ нихъ божественной не блещетъ красоты.

И только въ памяти, какъ на плитахъ могилы,
Два имени горять; когда я ихъ прочту,
Какъ струны задрожать всѣ жизненныя силы,
И вспомню я сквозь сонъ всю міра красоту.

1832 г.

Русская Бесѣда 1859 г., т. II.

XIX.

ЛИПА.

Изъ дѣтскихъ всёхъ воспоминаній
Одно во мнѣ свѣжѣе всёхъ;
Я въ немъ ищу въ часы страданій
Душъ младенческихъ утѣхъ.

Я помню лину; нераздѣльно
Я съ нею жилъ, и листьевъ шумъ
Мнѣ вѣялъ пѣсней колыбельной,
Всей нѣгой первыхъ дѣтскихъ думъ.

Какъ вѣтви сладостно шептали!
Какъ отвѣчалъ имъ лепетъ мой!
Мы будто вмѣстѣ пѣснь слагали
Съ любовью, съ радостью одной.

Давно я съ липой разлучился;
Она какъ прежде зелена;
А я? Какъ старъ! Какъ измѣнился!
Не молодить меня весна!

Увижу-ль лину я родную?
Тамъ могъ бы сердце я согрѣть
И пѣснь младенчески простую
Съ тобой, мой добрый другъ, запѣть.

Ты старъ; но листья молодѣютъ...
А люди, люди! что мнѣ въ нихъ?
Чѣмъ старѣй—больше все черствѣютъ
И чувствъ стыдятся молодыхъ.

1832 г.
Петровскъ.
Русская Старина 1870, т. I.

XX.

НА СМЕРТЬ ГРАФА П. П. КОНОВНИЦЫНА.

На грозномъ приступѣ, въ пылу кровавой битвы.
Онъ нѣжной матери нигдѣ не забывалъ:
Онъ имя сладкое сливалъ
Со словомъ искренней молитвы...
Опять увидѣть взоръ очей,
Услышать радостные звуки.
Прижать къ устамъ уста и руки
Любимой матери своей—
Вотъ были всё его желанья!

Уже минули дни страданья—
Ее опять увидѣлъ онъ;
Но дни минутные свиданья,
Но ихъ взаимно-сладкій сонъ
Едва приснился имъ... и снова
Изъ-подъ семейственнаго крова
Онъ въ край восточный полетѣлъ..
Восторгомъ взоръ еще горѣлъ;
Еще отъ сладкаго волненья
Вздымалась радостная грудь—
И, не докончивъ сновидѣнья,
Уже онъ кончилъ жизни путь..
Когда, въ послѣдній часъ, изъ устъ тѣснился духъ,
Онъ вспомнилъ съ горестью глубокой
О нѣжной матери, объ узницѣ далекой—
И съ третьимъ именемъ потухъ.

1832 г.

Русская Бесѣда 1859 г., т. I.

XXI.

СЛАВЯНСКІЯ ДѢВЫ.

Нѣжны и быстры ваши напѣвы:
Что жъ не поете вы, *ляискія* дѣвы,
Въ ладъ ударяя легкой стопой?
Сербскія дѣвы! пѣсни простыя
Любите пѣть вы; но чувства живыя
Въ дикомъ напѣвѣ блещутъ красой.

Кто же напѣвы *чехинь* услышитъ,
Звучныя пѣсни сладостныхъ дѣвъ,—
Дышитъ любовью, славою дышитъ,
Помня всю жизнь и пѣснь, и напѣвъ.
Дѣвы! согласно что не поете
Пѣсни святыя минувшихъ временъ?
Въ *голосъ единый* что не сольете
Всѣхъ голосовъ славянскихъ племенъ?

Боже, когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ!
Да потечетъ сей потокъ исполинъ,
Ясный какъ небо, какъ море широкій,
И, увлажая полміра собой,
Землю украситъ могучей красой!

Старшая дочь въ семействѣ Славяна
Всѣхъ превзошла величіемъ стана—
Славой гремитъ, но грустно живеть;
Въ теремѣ дни проводить какъ ночи,
Грустно чело, заплаканы очи,
И заунывно пѣсни поеть.

Что же не выйдешь въ чистое поле,
Не разгуляешь грусти своей?
Свѣтло душѣ на солнышкѣ-волѣ,
Сердцу тепло отъ ясныхъ лучей...
Въ поле спѣши съ меньшими сестрами
И хороводъ веди за собой;
Дружно слетая руки съ руками,
Радостно пѣснь свободы запой...

Боже, когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ!
Да потечетъ сей потокъ исполинъ,
Ясный какъ день, какъ море широкій,
И, увлажая полміра собой,
Землю украсить могучей красой.

1824—32 г.

Русская Бесѣда 1859 г., т. IV.

XXII.

А. М. ЯНУШКЕВИЧУ

(раздѣлившему со мною вѣтку съ могилы Лауры.)
Въ странахъ, гдѣ сочны лозы виноградныя,
Гдѣ воздухъ, солнце, сѣнь лѣсовъ
Дарятъ живыя чувства и отрадныя,
И въ дѣвахъ дышитъ жизнь цвѣтовъ,
Ты былъ!—пронесъ пытливый посохъ странника
Туда, гдѣ бьетъ воклюзскій ключъ...
Гдѣ жъ встрѣтилъ я тебя, теперь изгнанника?
Въ стѣняхъ, въ краю снѣговъ и тучъ!
И что осталось въ память солнца южнаго?
Одну лишь вѣтку ты хранилъ
Съ могилы Лауры:—полный чувства дружнаго,
И ту со мною раздѣлил!
Такъ будемъ же печалами завѣтными
Длиться здѣсь, въ отчизнѣ вьюгъ,
И крыльями, для міра незамѣтными.

Перелетать на чудный югъ,
Туда, гдѣ доль цвѣтеть весною ярко
Подъ шопоть авиньонскихъ струй,
И мысль твоя съ Лаурой и Петраркою
Слилась, какъ нѣжный поцалуй.

30 августа 1836 г.

Ишимь.

Отечественныя Записки 1844 г., т. 34.

XXIII.

А. М. ЯНУШКЕВИЧУ.

(Пріѣзжему изъ Кургана.)

Ты знаешь ихъ, кого я такъ любилъ,
Съ кѣмъ черную годину я дѣлилъ,
Ты знаешь ихъ! Какъ я, ты жалъ имъ руку
И передалъ мнѣ дружній разговоръ,
Душѣ моей знакомый съ давнихъ поръ;
И я опять внималъ родному звуку,
Казалось, былъ на родинѣ моей,
Опять въ кругу союзниковъ-друзей.

Такъ путники идутъ на богомолье
Сквозь огненно-песчаный океанъ,
И пальмы тѣнь, студеныхъ водъ приволье
Манятъ ихъ въ даль... Лишь сладостный обманъ
Чаруетъ ихъ; но ихъ бодрѣютъ силы,
И далѣе проходитъ караванъ,
Забывъ про зной пылающей могилы.

1836 г.

Сбор. Вчера и Сегодня 1845 г., ч. I.

XXIV.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Пусть нѣжной думой, жизни цвѣтомъ,
Благоухаетъ твой альбомъ!
Пусть будетъ дума та завѣтомъ
И вѣрнымъ памяти звеномъ!
И если кто—альбома данникъ—
Окончитъ грустно путь земной
И, лучшей жизни новый странникъ,

На вѣкъ разлучится съ тобой,
Взгляни съ улыбкою унылой
На мысль, души его завѣтъ,
Какъ на пустынный скромный цвѣтъ,
Цвѣтущій надъ его могилой.

1836 г.
Ишимъ.
Изд. 1883 г.

XXV.

ПОСЛАНИЕ КЪ ОТЦУ.

Какъ недвижны волны горь,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Непроницаемую гранью!
За вами—полный жизни мѣръ,
А здѣсь—я, одинокъ и сирь,
Отдалъ всю жизнь воспоминаью.

Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ,
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный,
Чье сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной.

Проснется-ль темный сводъ небесъ,
Заговоритъ ли дальній лѣсъ,
Иль золотой зашепчетъ колосъ—
Въ лунѣ, въ туманной выси горь
Всегда мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.

Когда жь объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ усталыхъ ногъ
Стрясетъ твой первенецъ-изгнанникъ,
Войдетъ—растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу приметъ вновь,
И на землѣ не будетъ странникъ?

Нѣтъ, не входить мнѣ въ отчій домъ
И не молиться мнѣ съ отцомъ
Передъ дсманшею иконой;
Не утѣшать его сѣдницъ,
Не быть мнѣ отъ заботъ, кручинъ
Его младенцевъ обороной!

Меня въ чужбину вихрь умчалъ
И бросилъ на девятый вальъ
Мой чёлнъ, скользившій безъ кормила;
Очнулся я въ степи глухой,
Гдѣ мнѣ не кровною рукою,
Но вьюгой вырыта могила.

Съ тѣхъ поръ займется ли заря,
Молю я солнышко-царя
И вотъ къ нему мое моленье:
Меня, о солнце, воскреси
И дай мнѣ на святой Руси
Побыть, вздохнуть одно мгновенье!

Взнеси опять мой бѣдный чёлнъ,
Игралище безумныхъ волнъ,
На океанъ твоей державы,
Съ небесъ мнѣ кроткій лучъ пролей
И грѣшной юности моей
Не помяни ты въ царствѣ славы!

1836 г.

Ишимъ.

Отечественныя Записки 1841 г., т. XVII.

XXVI.

НА ПРОѢЗДЪ НАСЛѢДНИКА ПРЕСТОЛА ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА въ 1837 году.

На западѣ подьѣмлетъ заря;
Навстрѣчу ей кипитъ народъ могучій
И шлетъ привѣтъ Наслѣднику Царя,
Сливая гуль изъ всѣхъ любви созвучій.
И вздрогнула отъ радости святой
Вся Русская земля, заколебалась:
«Къ намъ будетъ гость державный, нашъ родной!»
И мыслью той, какъ солнцемъ, обновлялась;
«Думъ парственныхъ отеческую цѣль
Исполни, гость, слей душу ты съ полсвѣтомъ!»
Вступилъ онъ въ путь и Руси колыбель
Онъ первую почтилъ своимъ привѣтомъ.
Самъ Рюрикъ князь, съ дружиной удалой,
На Новгородъ изъ свѣтозарной тучи
Глядитъ и пьетъ изъ чаши круговой

Янтарный медъ, какъ радость ихъ шипучій.
А тамъ, нося святыню честныхъ ранъ,
Монгольскихъ мукъ нетлѣнное преданье,
Князь Михаилъ съ небесъ склоняетъ станъ:
Своей Твери онъ слышитъ ликованье!
«Нежданный здѣсь!» У всѣхъ забилась грудь,
И Тверь его съ любовью угостила,
И вся, какъ взоръ одинъ, слѣдила путь,
Гдѣ встрѣтитъ гость иного Михаила;
Витая надъ обителью святой,
Гдѣ Русь нашла единство и спасенье,
Онъ съ неба шлетъ невидимой рукой
Напутное тебѣ благословенье.

Онъ предокъ твой, Петра высокій дѣдъ,
Кѣмъ лже-царей оконченъ пиръ кровавый,
Родникъ всѣхъ дѣлъ высокихъ, всѣхъ побѣдъ,
И первый лучъ неугасимой славы.
Взгляни: волной смѣняется волна,
Тѣсна для нихъ широкая дорога;
Слѣпать къ тебѣ всей Руси племена
Твой встрѣтитъ взоръ и громко славить Бога,—
Что градъ, что весъ, что здравый русскій умъ;
И плоды труда и русское приволье,
Для чувствъ добра, для благотворныхъ думъ,
Вездѣ Царю роскошное раздолье.

И гдѣ предѣль? Тамъ—гранью Араратъ,
Тутъ—вѣчныхъ льдовъ полярныя громады,
И та же мысль все движеть: всѣ горять,
Ждутъ на всю жизнь одной себѣ отрады.
Но здѣсь чья тѣнь? Кто въ думу погружонъ?
Надъ Иртышомъ стоитъ Ермакъ печальный.
Все скорбь одна его тревожитъ сонъ,
Опальный сонъ: обрѣлъ онъ край опальный.
Вѣка идуть, о берегъ бьется валъ,
И каждый валъ приноситъ плачъ изгнанья.

Не край, а мѣръ Ермакъ завоевалъ;
Но той земли страшатся и названья.
Взираи: крутитъ Иртышъ; до крайнихъ странъ
Промчалась вѣсть, за нею ликованіи
Несется громъ, и лдяный Океанъ
Заискрился отъ радужныхъ сіяній.
Слилась Сибирь въ гимнъ радости; сердца
Въ ея сынахъ забились русской кровью:
Воготвори отечества отца,

Къ тебѣ они исполнены любовью.
Сибирь страша двухвѣковой укорь,
И вся восторгъ—къ стопамъ твоимъ припала.
Какъ сладостенъ ей первый царскій взоръ!
Твой взоръ блеснулъ, и рушилась она.

Минула ночь: отъ солнца тьма бѣжитъ;
Теперь Сибирь не та же ли Россія?
Ужъ гостя нѣтъ; но вся еще дрожить,
Храня о немъ преданія святыхъ.
Ужъ гостя нѣтъ! Куда жъ далекій путь
Лежитъ Царя возлюбленному сыну?
Туда, гдѣ Русь ему откроетъ грудь
И крѣпкій дубъ окажетъ сердцевины,—
Приволжје, горнило русскихъ силъ,
Гдѣ Нижний-Новгородъ разгулъ готовитъ царскій
И гдѣ четой хранительныхъ свѣтилъ
Намъ свѣтятъ Мининъ и Пожарскій.

А тамъ, какъ Римъ, разлегшись на холмахъ,
Внося тьмы главъ, святыни украшенье,
Москва хранитъ ихъ памятникъ въ стѣнахъ,
Какъ вѣчное потомства вдохновенье.
Спасенья градъ, гдѣ врагъ великій палъ,
Чья длань грозой побѣдною владѣла;
Святой костеръ, гдѣ гибли ляхъ и галлъ
И дважды Русь какъ фениксъ возъюнѣла,—
Москва! Москва! Въ чьемъ русскомъ сердцѣ нѣтъ
Отзывныхъ чувствъ на кликъ сей величавый?
Она блеститъ и славой древнихъ лѣтъ,
И твоего рожденья юной славой;
Свой первый взоръ ты кинулъ на Москву,
Твой первый звукъ отгрянулъ въ ней громами;
Внемли жъ ея восторженному зву
И озари престольную очами,
Всей юностью и красотой
Ея надеждъ небесныхъ исполняемъ!
Святи жъ и будь намъ радостной судьбой,
Насъ радуй всѣхъ безоблачнымъ возрѣнемъ.
Но подвигъ твой не конченъ! Не свершонъ
Возвышенный урокъ самодержавья.
Ты слышишь ли печерскій звонъ
Надъ первою купелью православья?
Туда твой путь: во срѣтенье спѣшитъ
Весь Кіевъ градъ веселыми толпами,
И самый Днѣпръ торжественно шумитъ

Подъ мирными обители стѣнами.
Лазурь небесъ раскрылась надъ тобой.
Сплетясь въ вѣнцы, горять лучи святыя,
И райскою сіяютъ въ нихъ красой
Россіи всей хранители святыя;
Ко Господу возносятся хвалою,
Апостоль-князь и всѣ свѣтила вѣры,
И вторять имъ изъ глубины земной
Угодниковъ священныя пещеры:
«Отъ Бога власть, и въ Господѣ предѣль
Путей земныхъ и всѣхъ благихъ дѣяній!»
Конецъ пути въ святынѣ ты обрѣлъ,
Исполнивъ цѣль высокихъ назиданій.

Ждегъ гостя царь; крылатыхъ сто полковъ
Привѣтствуетъ ихъ сладкое свиданье;
И приметъ сынъ награду всѣхъ трудовъ,
Родигелей державныхъ цѣлованье.
Въ тотъ самый мигъ, склоня колѣно въ прахъ,
Взнесетъ царю чело свое Россія;
Признательность блеститъ въ ея очахъ,
Уста дрожатъ, отъ радости нѣмыя;
И свѣжихъ чувствъ всей юностью горитъ,
Могучимъ вся восторгомъ пламенѣтъ
И за тебя его благодаритъ:
Мужаясь въ немъ, она въ тебѣ конѣтъ,
Благодаритъ за свѣтъ твоихъ очей
Царя-отца и крохкую царяцу,
Прозрѣвъ въ тебѣ безсмертный цвѣтъ царей
И будущихъ судебъ своихъ денницу.

1837 г.

Изд. 1883 г.

XXVII.

НА ПРІѢЗДЪ ВЪ СИБИРЬ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА.

1.

Солнце новое встаетъ
Надъ Сибирью хладной
И на темный сѣверъ лѣтъ
Жизни лучъ отраднѣй.
Бьются радостно сердца:
Первенецъ Царя-Отца
Въ край грядетъ обширный —

Поглядѣть на свой народъ,
На потомковъ мощныхъ ордъ,
Свыкшихъ съ жизнью мирной.
Воспрями-жь, Сибирскій край!
Полный умиленья,
Громко къ небу возсылай
Теплыя моленья!
Бережетъ тебя судьба,
Помнить Царь вдали тебя
И, красу престола,
Молодого сына шлетъ
Осчастливить свой народъ
На брегахъ Тобола.

2.

Склонясь рукой на грань Урала,
Главу сокрывъ въ полярныхъ льдахъ,
Сибирь печальная лежала
На снѣговыхъ своихъ коврахъ.

И тщетно жизнью роскошной
Въ ея отчизнѣ все цвѣло,
Она склоняла въ сонъ тревожный
Отяжелѣвшее чело.

Но то не смерть! Порой являлась
Надъ ней отрадная заря,
И жизнь въ груди ея держалась
Далекимъ именемъ Царя.

И отзывъ мощнаго глагола
Будиль ея во тьмѣ ночной,
И сонмъ блестящихъ звѣздъ престола
Горѣлъ пророчески надъ ней.

Она жила, она дышала
Святсю вѣрою въ судьбу,
И всѣ желанія сліяла
Въ одну немолчную мольбу:

«Да посѣтить Востокъ Владыко
«Ее съ надзвѣздной высоты,
«Да изведетъ въ свой свѣтъ великой
«Сѣдящихъ въ узахъ темноты!»

Но два столѣтья скорбной ночи
Надъ нею медленно текли

И тяжкимъ сномъ смыкали очи
Подъ мракомъ неба и земли.

3

Вдругъ надъ высями Урала
И въ кристальныхъ искрахъ льда
Яркимъ блескомъ задрожала
Благодатная звѣзда.

Къ небу, къ небу взоръ привѣта!
Радость сердца и очесъ,
То предвѣстница разсвѣта
Мрачныхъ сѣвера небесъ!

Вотъ блеснуть въ ночи глубокой
Съ вѣнценоснаго чела
Первородный лучъ Востока,
Солнца русскаго стрѣла!

Сыплеть благостью отраду;
Слѣдъ его — блаженства слѣдъ;
И въ недвижную громаду
Онъ вливаетъ жизнь и свѣтъ.

И встаетъ страна тумана,
Въ блескъ радостнаго дня,
Съ томной бездны океана
До рифейскаго кремля.

Движетъ древнія твердыни,
Рветъ богатый поясъ свой,
И властителей пустыни
Предсылаетъ предъ собой.

Вотъ она у стопъ владыки—
Вся покорность, вся любовь!
И торжественные клики
Потрясаютъ глубь лѣсовъ.

4.

И такъ исполнены желанья!
Отецъ услышалъ гласъ дѣтей
И далъ намъ видѣть свѣтъ сянья
Въ любви царственной своей.

Ты, благодатный, между нами!
Ты первый видѣлъ нашу грань,
И мы лобзали со слезами
Твою властительную длань.

И новой радугой завѣта
Ты былъ, возлюбленной для насъ,
И зрѣли очи свѣтъ отъ свѣта,
И слухъ нашъ слышалъ царскіи гласъ.

Теперь исчезнетъ нареканье
На насъ народныя молвы:
И мы участвуемъ въ сіяньи
Державныхъ Бельта и Москвы.

Надежда сѣверной державы!
Лавръ полуночнаго вѣнца!
Цвѣти подъ сѣнью русской славы
Достойнымъ первенцемъ отца!

Ужъ русской лиры мощный геній
Готовъ вѣщать дѣла твои
И передать для поколѣній
Въ благословеніяхъ любви.

А Ты, Творецъ непостижимый!
Молитвы теплыя внемли:
Да будетъ онъ, Тобой водимый,
Твоимъ подобьемъ на землѣ.

1837.
Изд. 1883 г.

XXVIII.

РѢКА УСЬМА.

Какъ сладокъ первый день среди полей отчизны.
На берегахъ излучистой Усьмы!
Опять блеснулъ намъ лучъ давно минувшей жизни
И вывелъ насъ изъ долгой скорбной тьмы...
Мы ожили! Нашъ взоръ тонулъ въ зеленомъ морѣ
Родныхъ полей, и рощей, и холмовъ.
Тамъ горы тянутся, тутъ въ живописномъ спорѣ
Съ лазурью струй—сѣнь пышная лѣсовъ.
Усьма то скроется въ лѣсу, то вновь проглянетъ;
Одѣта, какъ невѣста, въ блескъ небесъ,
Въ объятія кинется, а тамъ опять обманетъ
Склоненный къ ней, въ нее влюбленный лѣсъ.
Тутъ какъ дитя шалить: то съ мельницей играетъ
И рѣзвится какъ бѣлка съ колесомъ,
То островъ срядить, и его объемля, засыпаетъ,
Какъ мысль любви, застигнутая сномъ;

И сладкій сонъ ея сіяетъ небесами
Всей прелестью осеннихъ ясныхъ дней,
Пока она опять разгульными струями
Не побѣжитъ вдоль рощей и полей.
И можетъ ли что быть милѣе и привольнѣй
Обзора мирнаго прелестныхъ этихъ мѣстъ,
Гдѣ издали блеститъ на бѣлой колокольнѣ,
Манить, какъ жизни цѣль, отраднѣй Спасовъ крестъ?

1837 г.

Русская Старина 1870 г., т. I.

XXIX.

ЭКСПРОМТЪ.

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну-ль, гдѣ на горахъ шумитъ лавровый лѣсъ,
Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы
И тонуть въ синевѣ пылающихъ небесъ?
И мы — на югъ! Туда, гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ,
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ,
И насъ, и насъ далекій путь влечетъ...
Но солнце тамъ души не отогрѣетъ,
И свѣжій миртъ чела не обовьетъ.
Пора отдать себя и смерти, и забвенью!
Но тѣмъ ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
Что насъ не съвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своею покроетъ тѣнью?

Октябрь 1837 г.

Изд. 1863 г.

XXX.

А. М. П—ОЙ.

Когда въ часы бездѣлія въ Москвѣ
Вы призадумаетесь вволю,
Дерзну-ль надѣяться, что въ вашей головѣ
Иль въ сердцѣ — не могу свою рѣшить я долю.
Меня вы встрѣтите подь-часъ
Въ ряду своихъ воспоминаній,
И не для сильныхъ поруганій,
А съ блескомъ радости изъ глазъ?
Но нѣтъ... Я выразился сильно.

Подумайте о мнѣ съ улыбкою умильной
И, покачавши головой,
Скажите: «Вотъ шалунъ!.. Однако же -- не злой!»

10 января 1838 г.
Изд. 1833 г.

XXXI.

Г Л Е Т Ш Е Р Ъ.

Пышный дворецъ исполиномъ стоитъ;
Блескомъ алмазовъ повсюду горитъ;
Снѣжный фундаментъ бѣлѣтъ подъ нимъ;
Рознится гордо онъ съ мракомъ лѣснымъ,
Что обвиваетъ низъ горній окрестъ.
Кто жъ обитатель высокихъ тѣхъ мѣстъ?

Стѣны изваяны дивнымъ рѣзцомъ;
Крова невидно надъ пышнымъ дворцомъ.
Все въ немъ открыто; все въ немъ горитъ;
Все восхищенью въ немъ говоритъ.
Вкругъ пирамиды, вкругъ алтари;
Въ нихъ приношеній чистыхъ дары;
Идолы бѣлые всюду стоятъ;
Хладно, но гордо на жертвы глядятъ.
Кто же ваятель дивный дворца?
Долгъ нашъ прославить чудо рѣзца!
Внизъ постепенно стелется лѣсъ,
Необозримый для слабыхъ очесъ.
Чаще все, чаще, книзу — темнѣй,
Все живописнѣй, книзу густѣй.
Кто-жъ тамъ гуляетъ? Кто-жъ тамъ царитъ?
Кто-же оттуда долу глядитъ?

Давней руиной Геня трудовъ,
Переборовшей силу вѣковъ,
Высится глетшеръ то ледяной;
Житель въ немъ — смерти царь роковой.

Старый, искусный рѣзчикъ дворца —
Вѣкъ, отрасль вѣчности, мысли Творца...
Лѣсъ... Въ немъ гуляетъ смертный пришлецъ —
Міра фантазіи сирый жилецъ...

Въ немъ духъ мечганій пылкій царитъ;
Тихо оттуда всюду глядитъ;
Въ мірѣ повсюду зреть суету,

Чистыхъ стремленій зрѣть нищету...
Долу — днѣй сельскихъ мѣръ вѣковой,
Въ выси — богатства хладъ ледяной!

22 янв. 1838 г.
Изд. 1883 г.

XXXII.

МОЯ ПЕРИ.

Взгляни, утѣшь меня усладой мирныхъ думъ,
Степныхъ небесъ заманчивая Пери;
Во мнѣ грусть тихая смѣнила бурный шумъ,
Остался дымъ отъ пламенныхъ повѣрій...
Теперь, томлю ли грусть въ волненіи людей,
Меня смѣшитъ ихъ суетная радость;
Ищу я думаю подернутыхъ очей,
Люблю рѣчей задумчивую сладость.
Меня тревожитъ смѣхъ дряхлѣющихъ дѣтей,
Съ усмѣшкою гляжу на нихъ угрюмый;
Но жизнь моя цвѣтеть улыбкою твоей,
Твой ясный взоръ съ моею сроднился думой.
О, Пери! улети со мною въ небеса,
Въ твою отчизну, гдѣ все нѣгой вѣетъ,
Гдѣ тихо и свѣтло и времени коса
Предъ цвѣтомъ жизни цвѣпенѣетъ.
Какъ облако плыветъ въ иной, прекрасный мѣръ
И таетъ, просіявъ вечернею зарею,
Такъ полечу и я, растаю весь въ эфиръ
И обовью тебя воздушной пеленою.

1838 г.
Кархагачъ.
Русская Старина 1870 г., т. I.

XXXIII.

БРАКЪ ГРУЗИИ СЪ РУССКИМЪ ЦАРСТВОМЪ

Дѣва черноглазая! Дѣва чернобровая!
Грузія, дочь и зари и огня!
Страсть и нѣга томная, прелесть вѣчно новая
Дышитъ въ тебѣ, сожигая меня!

Не томить тебя кручина
Прежнихъ пасмурныхъ годовъ!

Много было жениховъ —
Ты избрала исполина!

Вотъ онъ идетъ... По могучимъ плечамъ
Пышно бѣгутъ свѣтлорусыя волны;
Взоръ подобенъ небеснымъ звѣздамъ;
Весь онъ и жизни, и крѣпости полный!
Гордо идетъ, безъ щита и меча...

Только съ лѣваго плеча
Зыблясь падаетъ порфира;
Свѣтль онъ какъ снѣгъ, грудь, что степь, широка,
А желѣзная рука

Твердо править осью міра!
Вышла невѣста навстрѣчу; любовь
Зноемъ полудня зажгла ея кровь;

И, откинувъ покрывало
Отъ стыдливаго чела,
Вдаль все глядѣла, всѣмъ звукамъ внимала,
Тамъ подъ Казбекомъ, въ ущельѣ Дарьяла,
Жениха она ждала!

Въ сладостномъ Босфорѣ съ нимъ повстрѣчалась
И перстнями помѣнялась;
Въ пѣнѣ Терека къ нему
Бросилась бурно въ объятія, припала
Нѣжно на грудь жениху своему,
Приняла душу, и вся просіяла,
Прошлыхъ вѣковъ не тревожась печалью,
Вѣчно къ Россіи любовью горя,
Слитая съ нею, какъ съ бранною сталью,
Пурпуръ заря!

12 апрѣля 1838 г.
Тифлисъ.
Изд. 1883 г.

XXXIV.

П Ѣ С Н Я.

(На голосъ: «Вотъ ѣдетъ тройка»).

Я разлучился въ колыбели
Съ отцомъ и матерью моею,
И люди грустно пѣснь заплели
О безпріютности моею.

Но жалость ихъ — огонь бесплодный,
Жжетъ укоризненной слезой;
Лишь дѣва — ангелъ земнородный,

Простерла крылья надо мной.
Мнѣ сирому ты замѣнила
Отца и мать, вдали отъ нихъ,
И вполонину облегчила
Печаль родителей моихъ.
Съ отцомъ и матерью родною
Теперь увидѣлся я вновь,
Чтобъ въ вѣкъ межъ ними и тобою
Дѣлить сыновнюю любовь.

1838 г., июль.
Пятигорскъ.
Изд. 1883 г.

XXXV.

ПОЭЗІЯ.

Какъ я давно поэзію оставилъ!
Я такъ ее любилъ! Я черпалъ въ ней
Всѣ радости, усладу скорбныхъ дней,
Когда въ снѣгахъ пустынныхъ міръ я славилъ,
Его красу и стройность вѣчныхъ дѣлъ,
Господнихъ дѣлъ, грядущихъ къ высшей цѣли,
На небо, гдѣ мнѣ звѣзды не ясніли;
И на землѣ, гдѣ въ узахъ я коснѣлъ,
Я тихо пѣлъ пути живаго Бога,
И всей душой Его благодарилъ,
Какъ ни темна была моя дорога,
Какъ ни терялъ я свѣжесть юныхъ силъ...
Въ поэзіи,—въ глаголахъ провидѣнья,
Всепреданный искалъ я утѣшенья—
Живой воды источникъ я нашель!
Поэзія—не Божій ли глаголь,
И пѣньемъ птицъ, и бурями воспѣтый?
То въ радугу, то въ молнію одѣтый,
И въ цвѣтъ полей, и въ звѣздный хороводъ,
Въ порывы тучъ, и въ глубь бездонныхъ водъ,
Единый вѣкъ и вѣчно разнозвучный!
О другъ, со мной въ печаляхъ неразлучный,
Поэзія! слети и мнѣ повѣй
Опять твоимъ божественнымъ дыханьемъ.
Мой вѣрный другъ! Когда однимъ страданьемъ
Я мѣрилъ дни, считалъ часы ночей—
Бывало, кто приникнетъ къ изголовью
И шепчетъ мнѣ, цѣлитъ меня любовью
И сладостью возвышенныхъ рѣчей?
Слетала ты, мой ангель-утѣшитель!

Пусть другъ суетъ, столицъ животный житель,
 Глотая пыль и прозу мостовой,
 Небесная, смѣется надъ тобой!
 Пусть нашъ Протей Сенковскій, твой гонитель,
 Пути ума усыпавъ остротой,
 Катается по прозѣ вѣчно гладкой
 И сѣть слухъ, что вѣкъ проходить твой!
 Не знаетъ онъ поэзи святой,
 Поэзи страдательной и сладкой!
 Въ дни черные не нѣжилъ твой напѣвъ
 Его души; его понятенъ гнѣвъ:
 Твой райскій цвѣтъ съ его дыханьемъ вянетъ,
 И на тебя ль одну, -- на все, на всѣхъ
 Онъ съ горя мечеть судорожный смѣхъ—
 Кроитъ живыхъ, у мертвыхъ жилы тянетъ!
 Онъ не росу небесъ, но ядъ земли—
 Злословье льетъ, какъ демонъ, отъ безсилья;
 Не въ небесахъ слѣдитъ онъ орли крылья,
 Но только тѣнь ихъ ловить онъ въ пыли,
 И только прахъ несетъ намъ въ даръ коварный,
 Святой Руси пріемышь благодарный!
 Но, нѣтъ! Въ пылу заносчивыхъ страстей,
 Не убѣдитъ причудливый Протей,
 Что часъ пробилъ свершать по музамъ тризны,
 Что пѣснь души—игрушка для дѣтей,
 И царствуетъ одна лишь проза жизни:
 Какъ въ жизни есть минуты, гдѣ отъ мукъ
 Сожмется грудь, и сердцу не до прозы,
 Томится вздохъ въ могучій, чудный звукъ,
 И дрожь бѣжитъ, и градомъ льются слезы...
 Мучительный, небесный мигъ! Поэтъ
 Въ свой тѣсный стихъ вдыхаетъ жизнь и вѣчность,
 Какъ самъ Господь вдохнулъ въ свой Божій свѣтъ—
 Въ конечный мѣръ, всю духа безконечность.
 Когда, шутя, нашъ Менцель лѣпитъ воскъ
 И подъ ногой свой идеаль находитъ,
 Балзака врагъ, его же лживый лоскъ
 На чуждый намъ, наборный слогъ наводитъ—
 Поэтъ горитъ! Изъ глубины горнилъ
 Текуть стихи—ихъ плавить вдохновенье;
 Въ нихъ дышитъ мысль, порывъ безсмертныхъ силъ —
 Души творца невольное творенье.

1837—39 г.

Изд. 1883 г.

XXXVI.

Ч А Л М А.

(Отрывокъ изъ повѣсти)

А. С. Пушкину.

Дикихъ взоровъ красотой,
Косъ блестящихъ чернотой
Я прельстился, какъ безумный;
Я турчанку полюбилъ.
Я былъ молодъ. Съ нею шумно,
Съ нею весело я жилъ.
По коврамъ она скакала
И кружилась, на лету
Поцѣлуй съ меня срывала;
То со смѣхомъ обнажала
Юныхъ персей красоту,
Жаркой грудью прижималась
Мнѣ ко груди, увивалась
Вѣлой вокругъ меня рукой,
И усталая, со мной
Долго, долго цѣловалась...
Грѣйтесь въ шубахъ на снѣгахъ,
Подъ метелю полночной!
Мнѣ теплѣе на грудяхъ
У красавицы восточной.
Что въ друзьяхъ мнѣ? Что въ родныхъ?
Пушетъ холодомъ отъ нихъ!
Я во снѣ же ихъ выдаю;
Но проснусь и на яву
Я Роксану обнимаю;
Я проснусь, я оживу
На устахъ моей Роксаны,
И забуду и снѣга,
И родные берега,
И болотные туманы...
— «Солнце знойно, яркъ свѣтъ,
«Какъ очей твоихъ сіянье;
«Какъ ни сладокъ твой шербеть,
«Слаще устъ твоихъ дыханье!
«Наклонись ко мнѣ челомъ,
«Устъ румяныхъ жги огнемъ;
«Поцѣлуй меня, Роксана!»
Я рукой ей руку жаль,
И лицо и прелесть стана

Страстнымъ взоромъ озиралъ
Сквозь душистый дымъ кальяна.
— «Наклони свое чело,
«Поцѣлуй меня, Роксана!
«Что ты дышишь тяжело?
«Мнѣ такъ весело съ тобою!
«Что уходишь ты? Постои!
«Я шербеть не допилъ твой;
«Сядь ко мнѣ, побудь со мною».

Наклонилась головой
И къ устамъ моимъ прильнула;
Грустно въ очи мнѣ взглянула
(Какъ и всѣмъ, сгрустнулось ей)...
— «Ты съ Роксаною веселой
«Не считаешь шумныхъ дней;
«Но нагрянетъ часъ тяжелый,
«Камнемъ ляжетъ онъ на грудь.
«Русскій, русскій, дай мнѣ руку!
«И на насъ когда нибудь
«Черный духъ налетитъ разлуку.
«Здѣсь ты вѣкъ не проживешь.
«Бѣдный русскій! Ты умрешь
«Не на радость, а на скуку!
«Въ банѣ, лежа на софахъ,
«Мнѣ о вашихъ небесахъ
«Разъ армянка говорила...
«Всѣ слова я затвердила,
«Хоть не очень поняла.
«Ты умрешь! Хоть неохотно,
«А простишься ты со мной,
«И взлетитъ твой духъ безмолвный
«На пустыя небеса;
«Скучной жизни, безконечной
«Не утѣшитъ дѣвы вѣчной
«Вѣчно—юная краса!»

И, опять взглянувъ съ печалью,
Шаль съ груди она сняла
И чело мнѣ мягкой шалью,
Улыбаясь, обвила.
— «Русскій! Какъ къ тебѣ пристала
«Мною свитая чалма!
«Я ея бы не снимала
«И твою бы я сама

«Гребнемъ бороду чесала»...
Улыбаясь, цѣловала
И опять, какъ безъ ума,
И рѣзвилась, и скакала.

Русскій Архивъ 1873 г., т. I.

XXXVII.

РОЗА И СОЛОВЕЙ.

«Что ты склонилась такъ печально,
Что не глядишь ты на меня?
Давно пою и славлю розу,
А ты не слушаешь меня!»

— Зачѣмъ мнѣ слушать? Слишкомъ громко
Поешь ты про свою любовь.
Мнѣ грустно; ты меня не любишь,
Поешь не для меня одной!

«Но ты, какъ дѣва Франкистава.
Не расточай души своей;
Мнѣ одному отдай всю душу —
Тогда я тихо запою!»

Отечественныя Записки 1841 г., т. XVII.

XXXVIII.

КЪ ***

Какъ несутся тучи за вѣтромъ осеннимъ,
Я мыслью ношусь за тобою;
А встрѣчусь — забьется въ груди ретивое,
Какъ листъ запоздалый на вѣткѣ.

Хотѣлъ бы — какъ небо въ глубь синяго моря —
Смотрѣть, и смотрѣть тебѣ въ очи!
Привѣтливой рѣчи, какъ пѣсни родимой,
Въ изгнаньи хотѣлъ бы послушать!

Но свѣта въ пространствѣ падуцей звѣздой
Мелькнешь, ненаглядная, мимо —
И снова невидна, и снова тоскую,
Усталой душой сиротѣя...

Современникъ 1853 г., т. 42.

XXXIX.

ЛАВИНА.

Какъ вмѣстѣ великъ и ничтоженъ человекъ
въ порывахъ своихъ! (Мысль).

Рванулась... катится по скату крутогора
И кажется она для трепетнаго взора
Орудіемъ небеснаго укора
За преступленія юдольныхъ поселянъ...
И громъ ея гремитъ средь скатовыхъ полянъ.

Лѣсъ ли путь ей застилаетъ:
Пронеслась — и лѣсъ лежитъ;
Все ничто, все разрушаетъ!
Вотъ утесъ,—утесъ дрожить...

Но, затвердѣлый въ бореньи съ вѣками,
Герой отстоялъ нанесенный ударъ...
Крутится, свищетъ, воетъ шаръ...
Снѣгъ вьется вокругъ него клубами...

Вотъ покатился
Шаръ въ свирѣпѣнью;
Вотъ онъ забился
Въ шумномъ бореньи;
Вотъ встрепенулся,
Быстро скакнулъ;
Вотъ повернулся
Въ безднѣ очнулся,
Твердь покачнулъ...

Въ селеньѣ юдольномъ, въ странѣ, одаренной
Обильною жатвой, пастушка сидитъ;
Поетъ она пѣснь о порѣ незабвенной,
Любимаго память она голосить...

Блѣяніе мирнаго стада,
Невинной пастушки отрада—
Все рушилось вдругъ!.. Налетѣлъ — поглотилъ...
Съ утеса палъ въ озеро — выплеснулъ волны
Шаръ грозный, могучій и ярости полный...
Селенья вблизи — ихъ волной затопилъ...

И вотъ катится шаръ
По озёрному ложу:
Отъ него снѣгъ и паръ...
«Все» гремитъ «уничтожу!»
Вотъ остановился...
Солнцемъ озарился,

Вотъ ужъ таетъ онъ,
Въ воды превращень!
Такъ и сила человѣка...
Разрушаетъ міръ съ полвѣка...
И что-жь?... Явился духъ-спаситель—
И палъ на вѣкъ поработоритель!..

Изд. 1883 г.

XI.

ОХЛАЖДЕНІЕ.

Мучительно слѣдить за медленной утратой,
Годами купленной, любовью богатой
И близкой намъ души! Нести завѣтныхъ узъ
Не въ силахъ бѣдная. Таинственный союзъ
Разрушенъ навсегда. Не умыселъ коварный
Созрѣлъ измѣною въ душѣ неблагодарной;
Не легкомысліе, не медленный расчетъ
На связи прежнія въ ней холодно встаетъ...
Другой лежитъ ей путь, другія впечатлѣнья
Уносятъ прежнія; не гнѣва, не презрѣнья,
А пламенныхъ молитвъ и непритворныхъ слезъ
Достойна бѣдная. Блаженъ, кто перенесъ
Паденіе ея безъ грѣшного укора,
Кто въ преступленіе ей не вмѣнилъ позора,
Кто цѣломудренно хранилъ въ дуплѣ своей
Воспоминаніе однихъ прошедшихъ дней,
Кто для нея сберегъ одни благословенья,
Да дружбу грустную, да слезы умиленья!

Русская Бесѣда, 1842 г., т. III.

XII.

Зачѣмъ ночная тишина
Не принесетъ живительнаго сна
Тебѣ, страдалица младая?
Уже давно заснули небеса;
Какъ усыпительна ихъ сонная краса
И дремлющихъ полей недвижимость ночная!
Спустился мирный сонъ, но сонъ не освѣжитъ
Тебя, страдалица младая!
Опять недугъ порывомъ набѣжитъ,
И жизнь твоя, какъ листъ предъ бурей, задрожитъ.

Онъ, жилы нѣжныя, какъ струны, напрягая,
Идетъ, бѣжитъ, по нимъ ударить, и въ отвѣтъ
Ты вся звучишь и страхомъ, и страданьемъ;
Онъ жжетъ тебя, мертвитъ своимъ дыханьемъ
И по листу срываетъ жизни цвѣтъ...
И каждый мигъ усиливая муку,
Онъ въ грудь твою впился, онъ царствуетъ въ тебѣ.
Ты вся изнемогла въ мучительной борьбѣ;
На выю съ трепетомъ ты наложила руку;
Ты вскрикнула, огонь брызнулъ изъ очей,
И на одрѣ безрадостныхъ ночей
Привстала, бѣдная: въ очахъ горить мученье,
Страдальческимъ огнемъ блеститъ безумный взоръ,
Блуждаетъ жалобный и молитъ облегченья...
Еще проходитъ мигъ; вновь тянутся мгновенья,
И рвется изъ груди чуть слышимый укоръ:
«Нѣтъ жалости у васъ! Постоите! Вы такъ больно,
«Такъ часто мучите меня..
«Минуты нѣтъ покойной. Нѣтъ! довольно
«Страдала я въ сей жизни; силы нѣтъ...»

Изд. 1883 г.

— КНИЖКА —

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

IV (стр. 3). Въ воспоминаніяхъ А. П. Бѣляева относительно этого стихотворенія говорится слѣдующее: «Городомъ мы проѣхали мимо дома Кочубея, великолѣпно освѣщеннаго, гдѣ стояли экипажи и пропасть жандармовъ. Взглянувъ на этотъ балъ, одинъ изъ нашихъ спутниковъ написалъ потомъ свою думу, озаглавленную «Балъ мертвецовъ» («Русск. Стар.» т. XXX, стр. 797). Домъ Кочубея — впоследствии домъ III Отдѣленія.

VI (стр. 4). Экспромтъ, во время прогулки послѣ заката солнца въ Читинскомъ острогѣ, во дворѣ, окруженномъ частоколомъ.

VII стр. 5). Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ — молодой талантливый поэтъ (1805 — 1827). Собр. соч. его изд. А. П. Пятковскимъ въ 1862 г.

IX (стр. 6). А. С. Грибоѣдовъ умеръ 30 января 1829 г. Объ отношеніяхъ его къ Одоевскому см. біогр. очеркъ послѣдняго.

XI (стр. 8). Марія Николаевна Волконская, дочь знаменитаго дѣятеля двѣнадцатаго года Н. Н. Раевского и жена декабриста князя С. Г. Волконскаго, вопреки настояніямъ и угрозамъ отца отправилась въ Сибирь вслѣдъ за мужемъ, оставивъ своего грудного сына на попеченіе бабушкѣ. Она прибыла въ Читгу вслѣдъ за кн. Е. И. Трубецкой, вынеся въ Иркутскѣ ту же пытку, какъ и послѣдняя, со стороны мѣстныхъ властей, получившихъ наказъ путемъ увѣщанія препятствовать ихъ дальнѣйшему пути. Трогательная исторія этихъ подвижницъ ярко обрисована въ поэмѣ Н. А. Некрасова «Русскія женщины». Бар. Розень въ своихъ запискахъ такъ характеризуетъ ее: «Кн. М. Н. Волконская, молодая, стройная, болѣе высокаго, чѣмъ средняго роста, брюнетка съ горящими глазами, съ полусмуглымъ лицомъ, съ немного вздернутымъ носомъ, съ гордою походкою, получила у насъ прозванье: «la fille du Gange», дѣвы Ганга. Она никогда не выказывала грусти, была любезна съ товарищами мужа, но горда и взыскательна съ комендантомъ и начальниками острога».

XIII (стр. 11). Александръ Ѳеодоровичъ фонъ-деръ-Вриггенъ — полковникъ л.-гв. измайловскаго полка и товарищъ князя Одоевскаго по ссылкѣ. Въ одномъ изъ писемъ онъ сообщаетъ: «Пришедши ко мнѣ, въ мой номеръ (на Петровскомъ заводѣ), и нашедши тамъ нѣсколько товарищей, Одоевскій воскликнулъ... (слѣдуетъ экспромтъ). Надобно сильное роображеніе поэта имѣть, чтобы сказать это, ибо у меня ни вина, ни пива не было въ номерѣ: одна только вода да дурной артельный квасъ».

XIV (стр. 11). По поводу поэмы «Василько» А. П. Бѣляевъ 20 февраля 1882 г. писалъ М. И. Семевскому: «Какъ я радъ былъ увидѣть на страницахъ «Русской Старины» поэму А. И. Одоевскаго, сочиненную имъ еще въ Читѣ и переписанную Иваномъ Ивановичемъ Пушкинымъ».

Хотя это произведеніе не выдающееся, но зато ярко изображает старину русскую и отличается несомнѣнно красотой языка, вполне простого, лѣтописнаго. Содержаніе поэмы, конечно, не богато увлекательнымъ и интересомъ: это простая картина эпохи, и только въ послѣдней, то-есть четвертой пѣснѣ выдается одинъ эпизодъ, нѣсколько интересный. Третья пѣсня, должно быть, выпала какъ-нибудь изъ моихъ бумагъ при переездахъ съ квартиры на квартиру, потому что до сихъ поръ не нашелъ ея. Въ ней заговоръ Давида о погубленіи Василько, разговоръ съ Святополкомъ, вступленіе Василько съ дружиной въ Кіевъ, посѣщеніе имъ храма, раздача милостыни, наконецъ явленіе его во дворецъ къ Святополку и, по клеветѣ Давида, напугавшаго Святополка, его арестованіе и отправленіе за городъ, гдѣ въ какой-то теплушкѣ совершается ослѣпленіе. Мнѣ тѣмъ болѣе досадна эта потеря, что другого списка поэмы «Василько» не было и, значитъ, она пропала безвозвратно». («Русск. Стар.» 1882 г., XXXIV стр. 564).

XVI (стр. 43). О Камилѣ Петровнѣ Ивашевой въ «Запискахъ декабриста» сообщается слѣдующее: «Василій Петровичъ Ивашевъ, ротмистръ гвардіи, адъютантъ графа Витгенштейна, сынъ богатаго симбирскаго помѣщика, пользовался во второй арміи репутаціею самаго благороднаго человѣка. Онъ былъ въ дружбѣ съ Пестелемъ, Муравьевыми и другими заговорщиками и былъ членомъ тайнаго общества. Во время слѣдствія велъ себя твердо и благородно и постоянно отказывался отъ всякихъ обвиненій на своихъ бывшихъ товарищей. Жестокая судьба постигла его: онъ былъ приговоренъ къ вѣчной каторгѣ и безмолвно подвергся своей участи. До того времени бывалъ онъ въ отпуску въ деревнѣ у замужней сестры своей, Лизаветы Петровны Языковой, которая имѣла при дѣтяхъ французенку-гувернантку (Данту), женщину покладую, съ дочерью. Молодая дѣвушка почувствовала весьма понятное влеченіе къ блестящему, любезному и красивому молодому человѣку, но чувствуя, какое пространство ихъ раздѣляетъ, затаила рождающуюся страсть въ глубинѣ своего сердца. Вдругъ этотъ блестящій гвардейскій офицеръ, будущій генералъ, превратился въ бѣднаго каторжника, отверженнаго обществомъ. Не размышляя долго, она объявила и матери своей, и госпожѣ Языковой, что намѣрена раздѣлить участь любимаго ею человѣка: ѣхать въ Сибирь, выйти за него замужъ и стараться нѣжною, благородною любовью смягчать его страданія. Написали къ Ивашеву. Онъ принялъ предложеніе съ восторгомъ, потому что и самъ циталъ къ этой дѣвицѣ глубокое уваженіе и сердечную склонность. По испрошеніи соизволенія государя, дѣвушка отправилась въ Сибирь и обвѣнчалась съ избраннымъ другомъ. Бракъ былъ самый счастливый, но, какъ великое счастье въ жизни, не долгій. Они имѣли троихъ дѣтей. Мать скончалась въ родахъ послѣднимъ. Ровно черезъ годъ и онъ послѣдовалъ за нею».

XVII (стр. 44). Пѣсня написана Аниѣ Васильевнѣ Розенъ, супругѣ барона А. Ю. Розена и матери младенца Кондратія, сокращенное имя котораго, Атіи, упоминается въ пѣснѣ.

XX (стр. 46). Графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, сынъ извѣстнаго генерала, дѣятеля отечественной войны, былъ подпоручикомъ гвардіи, принималъ участіе въ декабристскомъ движеніи, за что былъ лишентъ дворянства и сосланъ рядовымъ въ дальній сибирскій гарнизонъ, откуда переведенъ 22 августа 1826 года на Кавказъ, гдѣ и умеръ 3 сентября 1830 г. отъ холеры.

XXI (стр. 47). Эта пѣсня написана для музыки, которую сочинилъ Вадковскій, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей 14-го декабря и товарищъ Одоевского по ссылкѣ.

XXII и XXIII (стр. 48, 49). А. М. Янушкевичъ, полякъ по происхожденію, человекъ умный и образованный, путешествовалъ за границей и по возвращеніи на родину былъ обвиненъ въ противуправительственныхъ мысляхъ и сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Онъ жилъ въ Курганѣ, откуда пріѣзжалъ въ Ишимъ.

XXVI и XXVII (стр. 51, 54). Императоръ Александръ II, будучи наследникомъ, посѣтилъ въ 1837 году Тюмень и Ялуторовскъ 4 іюня, Курганъ 5 іюня и Челябинскъ 6 іюня.

XXVIII (стр. 57). Рѣка Усьма или Усмань, что значитъ по татарски — красавица, впадаетъ въ Воронежъ. Стихотвореніе это написано во время пути изъ Казани на Кавказъ.

XXIX (стр. 58). По поводу этого стихотворенія фонъ-дербъ-Бриггенъ сообщаетъ: «Одоевскій ѣхалъ вмѣстѣ съ Назимовымъ изъ Сибири на Кавказъ; за нѣсколько верстъ до Ставрополя увидѣли они стадо птицъ, направлявшихъ полетъ къ Кавказу. «Привѣтствуй ихъ!» сказалъ ему Назимовъ, — и вотъ его экспромтъ...» Черезъ годъ послѣ этого Одоевскій, читая это стихотвореніе въ спискѣ бар. Розена, прибавилъ слѣдующія строки:

«И что не мерзлый ровъ, не снѣговой уваль
Насъ мирно подарятъ послѣднимъ новосельемъ,
Но кровью жаркою обрызганный чакаль
Гостей бездомныхъ прахъ разброситъ по уцельямъ?»

XXXIV (стр. 61). Эта пѣсня была сочинена для старшаго сына бар. Розена, Евгенія, который спѣлъ ее въ честь своей тетки Марьи Васильевны Вольховской, рожд. Малиновской. Последняя замѣняла ему мать, когда та уѣхала къ мужу въ Читинскій острогъ, оставивъ четырехлѣтняго сына на ея попеченія. Бар. Розень свидѣлся съ своимъ сыномъ послѣ долгой разлуки 10 ноября 1838 г.

П Р О З А.

I.

О трагедіи Вѣнецславъ, сочиненіе Ротру, передѣланной г. Жан-дромъ.

Высокая пѣтическая простота доставила трагедіи *Вѣнецславъ* заслуженное безсмертіе. По общему и короткому нашему знакомству съ французскою словесностію, считаю за бесполезное подтверждать изложенное сужденіе доводами изъ Аристарховъ. Жоффруа, всегда готовый къ опроверженію мнѣній Лагарпа, подобно ему, отзываясь о *Вѣнецславѣ* съ похвалою: одиѣ только неоспоримыя истины могли вынудить единодушіе двухъ людей совершенно противнаго образа мыслей. Впрочемъ, ученикъ Фрерона поставилъ себѣ за правило въ журнальной своей драматургіи какое-то безстрастіе, столь же мало нравственное, какъ и мало драматическое. И онъ, и Лагарпъ судятъ о убіеніи сына Вѣнецславова какъ присяжные. Но кто теперь не перестаетъ имъ вѣрить? Когда сіи судьи, болѣе превозносимые въ Россіи, нежели во Франціи, не ограничиваются разборомъ подробностей, но произносятъ приговоръ надъ изобрѣтеніемъ и духомъ и объемомъ творенія, то ихъ образъ мыслей удовлетворитъ только самыхъ суетныхъ свѣтскихъ людей, хитро замѣняющихъ книги каталогами. Но вообще, оба они отдають полную справедливость *жару, силѣ, истиннѣ діалога, хотя мѣстами испещренного игрою словъ и антитезами*. Въ сихъ сужденіяхъ были они отголосками общаго мнѣнія, утвержденнаго двумя столѣтіями и оправдывающаго въ полной мѣрѣ выборъ русскаго стихотворца.

Некстати было-бы произнести и самое справедливое сужденіе о трудѣ прекрасномъ, но еще недовершенномъ. Мы

ничего не смѣемъ сказать утвердительнаго о многихъ пере-
мѣнахъ въ ходѣ трагедіи. Г. Жандръ, соблюдая всю свѣжесть
подлинника, замѣняетъ недостатки красотами и оживляетъ
цѣлое новое творческою силою. Вѣнецлавъ, подѣ перомъ на-
шего поэта, измѣнился въ очертаніи прежняго своего харак-
тера и внушаетъ къ себѣ не только сожалѣніе, но и любовь:
лучшее оправданіе развязки! Словомъ, русскій стихотворецъ
заимствуетъ изящное столь же нецвинуженно, и потому съ
такимъ же правомъ, какъ и самъ Ротру присвоилъ себѣ трудъ
испанскаго автора Францеско де Рокасаъ.

Одно только первое дѣйствіе помѣщено въ *Русской Талии*.
Здѣсь подлинникъ остался почти неизмѣннымъ; но и тутъ
найдутъ важную перемену. Самый смѣлый, вольный метръ
заступилъ мѣсто натянутого и надутаго шестистопнаго стиха
ямбическаго, которымъ никто изъ нашихъ стихотворцевъ не
владелъ и не владетъ совершенно. Литераторы, одаренные
здравымъ вкусомъ, никогда не почитали сей мѣры приличною
для трагедіи. Это стихотвореніе привилось къ намъ отъ фран-
цузовъ, какъ самое близкое къ ихъ александрійскимъ стихамъ.
Нѣмцы давно перестали подражать онымъ и смѣются надъ
Готшедомъ. Англичане никогда не подражали. Алфіери писалъ
бѣлыми стихами (sciolti), которые въ самомъ дѣлѣ необхо-
димы въ трагедіи, для изложенія сильныхъ чувствъ во всей
ихъ обваженной простотѣ.

У французовъ трагедія рѣдко согласна съ природою, не
только отъ слишкомъ робкаго наблюденія условій, сего не-
исчерпаемаго источника кудрявыхъ изрѣченій, но также и отъ
самой вещественной части ихъ стихотворства. Два полустипіа,
равныя величиною, естественно способствуютъ противополож-
ности двухъ понятій, и потому столь же много антитезовъ
во французскихъ трагедіяхъ, какъ и въ надгробныхъ рѣчахъ
проповѣдника Флешъ. Сами французы негодуютъ на свой метръ:

Cette loi si dure
Qui veut qu'avec six pieds d'une égale mesure,
De deux alexandrins, côte à côte marchants,
L'un serve pour la rime, et l'autre pour le sens.*)

*) Вольтеръ къ императору китайскому

Это такъ справедливо, что иногда угадываемъ по рѣмѣ смыслъ слѣдующаго стиха.

Французы имѣютъ еще ту особенность, что у нихъ стихосложеніе силлабическое и что ударенія падаютъ неопредѣленно. У насъ же шесть тяжелыхъ *ямбовъ*, худо замѣняемыхъ *пиррихіями*, тащатся другъ за другомъ и бьютъ молотомъ въ слухъ. Неужели нашъ русскій языкъ, и звучный и мужественный, будетъ вѣчно заключенъ въ сей тѣсной, однообразной оболочкѣ, для выраженія самыхъ пламенныхъ порывовъ, — *тѣсной* не для одного отдѣльнаго счастливаго изрѣченія, но для полноты чувствъ и непрерывной связи мыслей?

Всѣ извѣстные метры, кромѣ ямбическаго, слишкомъ плясовые, не свойственны трагедіи, гдѣ поэзія облекается въ языкъ разговорный. И такъ, сохраняя обыкновенное наше стопосложеніе, должно искать возможнаго разнообразія. Вотъ опытъ. Остается рѣшить, успѣшенъ ли?

Многіе ищутъ въ стихотвореніи не поэзіи, но замѣтныхъ стиховъ; восхищаются, когда поэтъ стройностію цѣлаго жертвуетъ мысли отдѣльной, часто блестящей отъ одной разстановки понятій и мнимо нравоучительной. Кто, за исключеніемъ высокаго и прекраснаго, — источниковъ истинной нравственности, — требуетъ отъ сцены *обыкновенной опытной морали*, тотъ пускай старается по крайней мѣрѣ почерпать ее изъ самаго происшествія драматическаго. Французамъ (и все французамъ!) одолжены мы желаніемъ слышать въ театрѣ голосъ Рошфуко. Страсти ли выражаются общими правилами? Напротивъ, онѣ только къ одному стремятся, и все прочее для нихъ не существуетъ.

Въ быстромъ ихъ теченіи, въ истинной трагедіи, мысль за мыслию, чувство за чувствомъ летятъ, тѣшатся въ душѣ и исторгаются изъ устъ или въ одномъ всеобъемлющемъ словѣ, или въ пылкихъ пѣтическихъ оборотахъ. Метръ, избранный г-мъ Жандромъ, весьма способствуетъ ихъ непринужденности. Въ семъ стихосложеніи поэзія можетъ попеременно являться со всею простотою природы, или скрывать себя подъ легкою и прозрачною пеленою. Оно въ своей свободѣ имѣетъ уже и то преимущество, что принуждаетъ поэта не только къ слад-

ковзучному паденію періодовъ, но и къ музыкальной соотвѣтственности между смысломъ и размѣромъ: правило истиннаго стихотворства, постигаемое однимъ только чувствомъ и требующее въ исполненіи самыхъ тонкихъ оттѣнокъ! Иногда рѣшмы нечаянно ложатся подъ перо г-на Жандра и тогда производятъ на слухъ пріятное дѣйствіе своею внезапностью. Онѣ родятся такъ естественно, что выраженіе безъ нихъ, кажется, лишилось бы всей своей прелести. Но когда строгія истины льются изъ устъ поэта, то онъ откладываетъ сіе созвучіе, какъ бесполезное украшеніе, и стихъ его обыкновенно пятистопный, вообще въ объемѣ своемъ слѣдуетъ за мыслию. Въ заключеніе скажемъ, что полезны не только нововведенія, которымъ общія мнѣнія благопріятствуютъ, но и самые опыты приносятъ истинную пользу, когда оныя клонятся къ избавленію отъ излишнихъ узъ, не касаясь законовъ природы и искусства.

Сынъ Отечества 1825 г., т. ХСІХ.

II.

Перечень изъ писемъ къ издателямъ «Сына Отечества» изъ Москвы.

Москва, іюля 6. Въ нынѣшнемъ году издается въ нашей столицѣ *десять* періодическихъ изданій, а именно: 1) Московскія Вѣдомости, начавшіяся въ 1756 году; выходятъ два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, въ четвертку. Главный редакторъ оныхъ — князь *Шаликовъ*. Газеты сіи наполняются статьями, перепечатанными изъ С.-Петербургскихъ Сенатскихъ и Академическихъ Вѣдомостей, *Русскаго Инвалида* и *Съверной Пчелы*, и сверхъ того разнаго рода объявленіями. Сія газета издается уже 70-й годъ и уступаетъ въ старшинствѣ однѣмъ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ изъ вѣхъ издаваемыхъ въ Россіи журналовъ.—2) Историческій, Статистическій и Географическій Журналъ, или Современная Исторія Свѣта, выходитъ еженедѣльно по одной книжкѣ съ 1790 года. Нынѣшній издатель сего журнала, г. профессоръ

московскаго университета Гавриловъ, наполняетъ книжки переводами изъ Гамбургскаго Политическаго Журнала и статьями изъ Сына Отечества, Сѣвернаго Архива, Русскаго Инвалида, Сѣверной Пчелы, С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостей, неизвѣстно по какому праву. Журналъ сей, по причинѣ 36-лѣтняго существованія, заслуживаетъ вниманіе. — 3) Вѣстникъ Европы, начатый въ 1802 году почтеннымъ исторіографомъ нашимъ Н. М. Карамзинымъ, нынѣ издается М. Т. Каченовскимъ. — 4) Правительствующаго Сената Московскихъ Департаментовъ Объявленія. — 5) Собраніе состоявшихся Высочайшихъ Узаконеній и проч. Сіи два изданія, печатаемая въ сенатской типографіи, выходятъ по средамъ и субботамъ въ четвертку. — 6) Новый Магазинъ Естественной Исторіи, Физики и Химіи и свѣдѣній Экономическихъ, издается съ 1820 года, ежемѣсячно по одной книжкѣ, г. профессоромъ Двигубскимъ. Сіе отличное, полезное изданіе продолжается съ одинаковымъ тщаніемъ со стороны издателя уже шестой годъ. — 7) Русскій Вѣстникъ, начатый въ 1808 г., конченный въ 1820 и возобновленный въ 1824 году С. Н. Глинкою. — 8) Земледѣльческій Журналъ выходитъ съ 1821 г. книжками въ каждую треть года. Онъ издается Московскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства и имѣетъ много подписчиковъ: 1821 годъ онаго напечатанъ вторымъ тисненіемъ. — 9) Дамскій Журналъ возымѣлъ начало свое въ мартѣ 1823 года. Хотя издатель онаго (князь П. И. Шаликовъ) и обѣщалъ въ объявленіи послѣдовать примѣру иностранныхъ издателей модныхъ журналовъ, но безпрестанно печатая отвергаемая другими журналистами критики, сдѣлалъ свой журналъ неслышаннымъ феноменомъ въ словесности. Потому-то и желаніе издателя приохотить милыхъ нашихъ соотечественницъ къ русскому слову не имѣло успѣха, котораго и нельзя было ожидать отъ незанимательныхъ, даже неприличныхъ статей. Благіе совѣты да предохраняютъ его отъ всего этого на будущее время! 10) Московскій Телеграфъ родился только въ началѣ нынѣшняго года и успѣлъ уже поссориться съ старинными своими собратіями! Отчасти это можно приписать рѣшительнымъ приговорамъ издателя, Н. А. Полевого, заслуживающаго впро-

чемъ благодарность за предпріятіе полезнаго изданія, которое часть отъ часу можетъ улучшаться. Извѣстно, что страницы означаются для удобнѣйшаго присккиванья статей: такъ почему въ иной книжкѣ Телеграфа бываетъ по три разныя означенія страницъ? Не лучше ли было бы не отдѣлять отъ книжекъ ни критикъ, ни антикритикъ, ни прибавленій. Модныя картинки также нейдутъ къ ученому журналу.

Съ 27-го іюня по 6-е число іюля вышли у насъ между прочими новостями: 1) Волшебныя сказки, или пріятное занятіе отъ нечего дѣлать, соч. Перольта, изъ которыхъ почерпнуты содержанія многихъ оперъ и балетовъ, представляемыхъ на императорскихъ театрахъ. Перевелъ съ французскаго актеръ императорскаго московскаго театра г. Барановъ. Съ картинками; 2) Четвертое изданіе книги: Астрологъ древній и новый, или Оракулъ гадательный, 3 части; 3) Земледѣльческая Химія, составленная М. Павловымъ; 4) Карманный лѣкарственникъ, переведенный съ французскаго г. Медвѣдевымъ; 5) О лѣченіи болѣзней. Сочиненіе И. Г. Шнейдера, перевелъ съ нѣмецкаго И. Зацѣпинъ, и 6) Отеческая строгость или Исторія г. Вальмонта, соч. Августа Лафонтена, 4 части.

Прошлаго года г. де Кошелеть получилъ отъ правительства на десять лѣтъ привилегію на изобрѣтенную имъ *ворсо-стригальную машину*. Недавно передалъ онъ сію привилегію мануфактуръ-совѣтнику г. Гейтену, директору учрежденной здѣсь Училищной суконной фабрики, на которой можно видѣть дѣйствіе сей полезной машины и, если угодно, заказать подобную же.

Недавно получена здѣсь изъ Парижа новая книга: *Année Française ou Mémorial des Sciences, des Arts et des Lettres etc., pour 1824*. Французскіе издатели не ограничились своимъ отечествомъ, но коснулись и нашей Россіи, которой удѣлили двѣ страницы (447 и 448). Неизвѣстно, откуда почерпаютъ они свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ, о которомъ говорятъ какъ бы по слуху. Такъ между прочимъ затѣяли они напечатать въ своей книгѣ (между прочими недѣлностями о Россіи), что въ Москвѣ находится *десять* литературныхъ обществъ и *десять*

типографій (?), что въ С.-Петербургѣ находится *пять* типографій и *семь* литературныхъ обществъ. Не говоря уже о прочихъ невѣроятностяхъ, всёмъ извѣстно, что въ Петербургѣ болѣе типографій, нежели въ Москвѣ. Потомъ издатели, для показанія *успѣховъ наукъ и словесности въ Россіи*, объявляютъ, что въ городахъ: *Ревель, Дерптъ и Шарковъ* (Харьковъ) находятся типографіи и что во всей Имперіи существуетъ *девять словолитенъ*. Нашли же иностранцы чему удивляться, и неужели такія вещи для нихъ рѣдкость и новость? Слѣдующее изъясненіе еще забавнѣе: „До 1817 года напечатано было въ Россіи *только четыре тысячи книгъ*; въ 1820 году находилось въ библиотекѣ с.-петербургской академіи наукъ *около трехъ тысячъ русскихъ книгъ*, въ числѣ коихъ было *полтораста романовъ*. Нынѣ число ученыхъ и литературныхъ произведеній простирается слишкомъ до *осьми тысячъ*“. Сими строками оканчивается статья объ успѣхахъ наукъ и словесности въ Россіи. Желательно было-бы спросить, изъ какихъ источниковъ издатели почерпнули свои неосновательныя извѣстія. Можетъ быть, мы получили бы отвѣтъ, еслибъ французскій петербургскій журналъ удостоилъ помѣстить замѣчанія наши въ свои листы.

Письмо 14 іюля. Неизвѣстно мнѣ, по какой причинѣ вы доселѣ не напечатали статей моихъ, посланныхъ для Сѣверной Пчелы и Сѣвернаго Архива, но надѣясь, что они найдутъ мѣсто въ вашихъ изданіяхъ, посылаю къ вамъ замѣчанія на статью, помѣщенную княземъ Шаликовымъ въ 15 нумерѣ Дамскаго Журнала на стр. 108 — 109 подъ заглавіемъ: *Ainsi va le monde*. Въ *первомъ* пунктѣ критикъ вашъ выражается *непонятно*; во *второмъ* досадуетъ, что издатель Отечественныхъ Записокъ отдаетъ справедливость *Сѣверной Пчелѣ*, а въ *третьемъ* и послѣднемъ пунктѣ взводитъ на васъ *небылицы*. Что сказать на все это? Напечатать вмѣсто отвѣта статьи мои, въ которыхъ князь Шаликовъ увидитъ себя уличеннымъ въ перепечатаніи (въ прежніе годы) статей изъ Сына Отечества, а въ нынѣшнемъ году изъ Сѣверной Пчелы, двухъ журналовъ, которые сдѣлались предметомъ его негодованія. Каково вамъ это покажется,

почтенные издатели Сѣверной Пчелы? Князь Шаликовъ, по-ричая ваши труды, въ то самое время пользуется вашими трудами и восклицаетъ: *Ainsi va le monde!*

О перепечаткахъ изъ Сѣверной Пчелы въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (состоящихъ подъ главною редакцію князя Шаликова), безъ показанія источниковъ.

Изъ 45 нумеровъ Московскихъ Вѣдомостей нѣтъ ни одного, въ которомъ не было бы перепечатано нѣсколькихъ статей изъ Сѣверной Пчелы. Укажемъ на главнѣйшія.

Въ № 22 и 23, между прочими статьями, перепечатана пѣликомъ статья: „О производствѣ дѣла Папавуана“, изъ 29 и 30 №№ Сѣверной Пчелы.

Въ № 25 стр. 898 Московскихъ Вѣдомостей перепечатано изъ № 32 Сѣверной Пчелы, безъ всякой перемѣны, извѣстіе объ открытіи въ Кіевѣ П. А. Мухановымъ ненапечатанныхъ понынѣ сочиненій Ломоносова. Сіе извѣстіе напечатано въ Сѣверной Пчелѣ подъ заглавіемъ: „С.-Петербургъ“, а потому издатели и говорятъ, что П. А. Мухановъ пишетъ изъ Кіева къ одному изъ здѣшнихъ (т.-е. с.-петербургскихъ) литераторовъ объ отысканіи и проч. Редакторъ Московскихъ Вѣдомостей не перемѣнилъ слова *здѣшнихъ* и поставилъ извѣстіе изъ „Кіева“, слѣдовательно выходитъ, что г. Мухановъ писалъ изъ *Кіева* къ одному изъ кіевскихъ-же литераторовъ. Доказательство, съ какимъ вниманіемъ князь Шаликовъ занимается редакцію Московскихъ Вѣдомостей!

№ 28 Московскихъ Вѣдомостей стр. 989. На этой страницѣ перепечатана „Некрологическая статья объ А. Θ. Дерябинѣ“, взятая изъ № 38 Сѣверной Пчелы, а ниже, на стр. 991—992, подъ заглавіемъ: „Некрологія“ — перепечатана также некрологическая статья Θ. В. Булгарина о Михаилѣ Сергѣевичѣ Кайсаровѣ, изъ 36 № Сѣверной Пчелы. Объ источникахъ первой князю Шаликову не вздумалось открыть, зато онъ увѣдомилъ публику, откуда взялъ вторую статью, и присоединилъ къ этому похвалу Сѣверной Пчелѣ. Но и тутъ князь Шаликовъ не умѣлъ выразиться правильно. Въ 12 строкахъ, помѣщенныхъ для похвалы Сѣверной Пчелы, сдѣлано *пять* ошибокъ, могущихъ служить новымъ доказа-

тельствомъ сказанному прежде, что переводчикъ „Славянской Картины“, издатель Московскихъ Вѣдомостей и Дамскаго Журнала дѣйствительно не умѣетъ правильно изъясняться по русски. Вотъ ошибки:

1) „Сѣверная Пчела, собирающая лучшіе цвѣты“... Невпопадъ, почтенный редакторъ! Всякому извѣстно, что пчела можетъ собирать медъ, въ цвѣтахъ находящейся, а не собирать цвѣты, какъ нѣжная пастушка. Пчела можетъ только избирать цвѣты.

2) „Сообщила съ особеннымъ чувствомъ некрологію о достойнѣйшемъ членѣ общества жителямъ С.-Петербурга“... Такъ-ли пишутъ по русски? Русское-ли это словосочиненіе? Если-бъ вы, г. редакторъ, повнимательнѣе были къ оному вмѣсто вашихъ споровъ и критикъ, то написали-бы: „Издатели Сѣверной Пчелы сообщили жителямъ С.-Петербурга о достойнѣйшемъ членѣ общества“... Далѣе...

3) Мы съ своей стороны *тѣмъ болѣе* находимъ себя обязанными помѣстять оную въ листахъ, издаваемыхъ *отъ того мѣста, въ стѣнахъ котораго* воспитывался покойный Михаилъ Сергѣевичъ Кайсаровъ, *увѣрены будучи* тѣмъ сдѣлать удовольствіе многимъ, чтущимъ здѣсь въ столицѣ память сего рѣдкаго по многимъ отношеніямъ человѣка“... Можно ли сказать: „въ листахъ, издаваемыхъ *отъ мѣста*“? Листы (т.-е. вѣдомости или журналы) издаются обществомъ, человѣкомъ, а не мѣстомъ!

4) Мѣсто по собственному значенію не имѣетъ *стѣнъ*, слѣдовательно нельзя сказать въ *стѣнахъ мѣста*. Бѣдный русскій языкъ, что онъ долженъ терпѣть!

5) Къ довершенію невниманія къ отечественному языку, г. редакторъ въ одномъ періодѣ собралъ самыя милыя галлицизмы: „мы съ своей стороны *тѣмъ болѣе* находимъ себя обязанными“... „увѣрены будучи“... Каково? Какъ жаль, что послѣдняя жертва музамъ состоялась только на словахъ, а не на дѣлѣ. Теперь прикажете-ли, г. Θ. Θ., (см. Дамскій Журналъ 1825 № 9, стр. 114) писать съ такими галлицизмами? Вы однако-жъ это совѣтовали предъ глазами цѣлой Россіи!

Но я не хочу распространяться въ указываніи всѣхъ перепечатокъ: удивитесь. Напримѣръ, съ 17, 20 и 24 іюня перепечатано княземъ Шаликовымъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ изъ 68, 69, 70 и 71 №№ Сѣверной Пчелы (безъ показанія источниковъ) *восемьдесятъ шесть извѣстій*. Думаете ли вы, господа издатели Сѣверной Пчелы, трудясь надъ переводами иностранныхъ извѣстій, надъ выборомъ оныхъ, надъ сочиненіями, корректурами и проч., что вашъ соперникъ, который не щадитъ васъ въ Дамскомъ Журналѣ, что князь Шаликовъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ почты и, развернувъ Сѣверную Пчелу, отмѣтитъ карандашомъ, что ему угодно, и безъ большого труда велитъ тиснуть въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, а самъ занимается между тѣмъ политическими противу васъ статьями?

Р. S. Въ 46 и 47 номерахъ Московскихъ Вѣдомостей перепечатано изъ 65, 66 и 67 №№ Сѣверной Пчелы *пятьдесятъ* извѣстій, а изъ 68 № Сѣверной Пчелы — даже большая статья: „Русскіе войны у памятника Тюрениа“. Но кто успѣетъ пересчитать? Въ каждомъ номерѣ появляется новое заимствованіе чужой собственности.

Сынъ Отечества 1825 г., т. СІІ.

III.

Письмо къ М. А. Назимову.

Мой милый другъ Михаилъ Александровичъ! Я потерялъ моего отца: ты его зналъ. Я не знаю, какъ я былъ въ состояніи перенести этотъ ударъ, — кажется, послѣдній; другой, какой бы ни былъ, слишкомъ будетъ слабъ по сравненію.

Все кончено для меня. Впрочемъ, я очень, очень спокоенъ. Мой добрый, мой нѣжный отецъ попросилъ передъ кончиной моего портрета. Ему подали сдѣланный Волковымъ. „Нѣтъ, не тотъ“, сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Тотъ портретъ, который ты подарилъ ему, онъ попросилъ положить ему на грудь, прижалъ его обѣими руками — и умеръ. Портретъ сошелъ съ нимъ въ могилу. Прощай, мой другъ; обни-

маю тебя отъ души и желаю тебѣ болѣе счастья, гораздо болѣе, нежели сколько меня ожидаетъ въ этомъ мірѣ. Ты, впрочемъ (я увѣренъ), будешь счастливѣе меня.

Нарышкинъ и Лореръ лѣчатся въ Тамани. И. А. Загорѣцкій и Лихаревъ тебѣ кланяются. Мы все еще въ Субаши. Еммануиль Еммануиловичъ Попандополло все расскажетъ тебѣ; а миѣ не до того. Я спокоенъ; говорить — говорю, какъ и другіе; но когда я одинъ передъ собою или пишу къ друзьямъ, способнымъ раздѣлить мою горестъ, то чувствую, что не принадлежу къ этому міру. Поздравляю тебя съ галунами. Мой сердечный поклонъ тезкѣ моему, Александру Ивановичу. Обнимаю тебя отъ всего сердца и желаю тебѣ счастья и всѣхъ успѣховъ возможныхъ, равно какъ и Александру Ивановичу.

Прощай еще разъ.

Твой Александръ.

Лагерь при Субаши.

21 іюня 1839 г.

Русская Старина 1870, т. I.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПРОЗАИЧЕСКИМЪ СТАТЬЯМЪ.

I. Андрей Андреевичъ Жандръ, другъ Грибоѣдова и Одоевскаго (1793—1873), былъ большой театралъ и въ качествѣ любителя пописывалъ театральныя рецензіи и перевелъ нѣсколько пьесъ. По службѣ онъ состоялъ въ морскомъ министерствѣ, а впоследствии былъ сенаторомъ. Ротру (Jean Rotrou), французскій драматургъ (1609—1650), въ противоположность классикамъ расположенный душою къ романскому міру и по своему внутреннему направленію вообще одинъ изъ раннихъ предвѣстниковъ романтизма. «Venceslas», одна изъ лучшихъ его трагедій, написана въ 1647 г. Жоффруа и Лагарпъ—французскіе критики. Жоффруа, какъ воспитанникъ и послѣдователь іезуитовъ, въ своей литературной дѣятельности былъ непримиримымъ врагомъ энциклопедистовъ.

II. Статейка представляетъ собою образецъ журнальной полемики и литературныхъ нравовъ времени. Она направлена противъ небезызвѣстнаго въ свое время; но плохого литератора князя Петра Ивановича Шаликова, служившаго общему мишенью для злыхъ и веселыхъ насмѣшекъ его собратьевъ по перу. «Московский Зритель», «Аглая» и «Дамскій Журналъ», — изданія Шаликова, были органами слащаваго сентиментализма. Неумѣло дѣйствуя на поприщѣ издательства, Шаликовъ прибѣгалъ къ широкому заимствованію изъ чужихъ изданій. Статейка Одоевскаго, очевидно, съ большимъ удовольствіемъ была напечатана Ѳ. В. Булгаринымъ, который снабдилъ ее ѣдкими примѣчаніями, направленными по адресу редактора «Московскихъ Вѣдомостей». Изъ этихъ-же примѣчаній явствуется, что Одоевскій написалъ еще статью «О трудахъ гг. Воейкова и Шаликова», которую Булгаринъ почему-то не рѣшился помѣстить.

III. Всѣ упоминаемыя въ письмѣ лица—декабристы, товарищи Одоевскаго по ссылкѣ и по службѣ на Кавказѣ.

120

cy

BIBLIOTEKA IBL

F. 24117

F. 24155

F. 24156

F. 24158

F

24.117
24.155-24.156
24.158